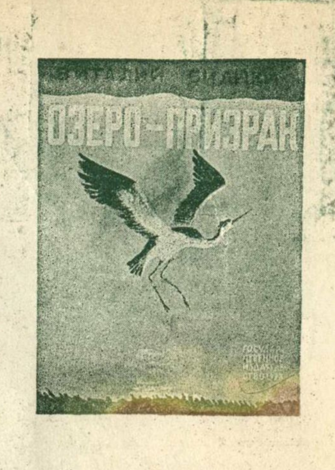

ПИОНЕР
16
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЧТО ЧИТАТЬ

М. Пришвин — РАССКАЗЫ ЕГЕРЯ МИХАЛ МИХАЛЫЧА. Рис. А. Самохвалова. Гос. Издательство. Стр. 59. Цена 40 коп.

М. Пришвин — один из лучших писателей в Советском Союзе. Особенно хороши его охотничьи рассказы. В этой книжке собрано 12 маленьких охотничьих рассказов. Вот один из них.

ГОВОРЯЩИЙ ГРАЧ

Расскажу случай, какой был со мной в голодном году. Повадился ко мне на подоконник летать желторотый молодой граченок. Видно, сирота был. А у меня в то время хранился целый мешок гречневой крупы. Я и питался все время гречневой кашей. Вот, бывало, прилетит граченок, я посыплю ему крупы и спрашиваю:

— Кашки хочешь, дурашка?

Поклюет и улетит. И так каждый день, весь месяц. Хочу я добиться, чтобы на вопрос мой:

— Кашки хочешь, дурашка?

Он сказал бы:

— Хочу.

А он только желтый нос открывает и красный язык показывает.

— Ну, ладно, — рассердился я и забросил ученье.

К осени случилась со мной беда. Полез я за крупой в сундук, а там нет ничего. Вот как воры обчистили, половинка огурца была на тарелке, и ту унесли. Лег я спать голодный. Всю ночь вертелся. Утром в зеркало посмотрел, лицо все зеленое стало.

— Стук, стук! — кто-то в окошко.

На подоконнике грач долбит в стекло.

— Вот и мясо! — явилась у меня мысль.

Открываю окно и хвать его. А он прыг от меня на дерево. Я в окно за ним к сучку. Он повыше. Я лезу. Он выше и на самую макушку. Я туда не могу, очень качается. Он же, шельмец, смотрит на меня сверху и говорит:

— Хо-чешь каш-ки, ду-раш-ка?

Виталий Бианки — ОЗЕРО-ПРИЗРАК. Обложка и рисунки А. Самохвалова. Гос. Издательство. Стр. 30. Цена 15 коп.

В этой книжке рассказывается об открытии молодого ученого Детлова, о таинственно исчезнувшем озере, о невиданной в северных краях черной птице, о рыбачьей сказке про двух водяных, игравших в карты. До самого конца трудно догадаться в чем дело, а когда все об'ясняется, читатель узнает вещи, о которых он до сих пор едва-ли догадывался. В книжке хорошие рисунки и прекрасная обложка А. Самохвалова.

ЧТО ИНТЕРЕСНОГО В ЭТОМ НОМЕРЕ

ЛЕТНЯЯ ПЕСЕНКА — стих. М. Светлова. Прощальная летняя песенка, если понравится ребятам, переложим ее на музыку. Рис. В. Гвайта.

ЧАСЫ — повесть Л. Пантелеева (продолжение). Читатели уже познакомились с героем повести Петькой, который украл у пьяного золотые часы. В этом номере интересная история продолжается, как Петька хочет убежать из детдома имени Клары Цеткин, и как часы держат его. Рис. Г. Беендгофа.

ОХОТА С ФОТО-АППАРАТОМ — рассказ А. Гейе. Безкровная охота в девственных лесах Африки. Фото-аппарат вместо ружья. Жирафы и буйволы не хотят сниматься. Рис. А. Брея.

БУМЕРАНГ. Что в бумеранге? Хочу быть циркачем. Чем вы хотите быть? Письмо Надежды Константиновны.

ПЯТЬ НОВОСТЕЙ УЧЕБНОГО ГОДА — очерк Б. Виркинса о том, что интересует всех школьников во всех школах. Что нового будет в школе в этом году. Начало занятий в семь часов утра. Завтраки, расписания, стипендии. На юго-западе живут... Мы не дикари. Рис. Б. Покровского.

ПО СССР. Новый отдел в журнале составляется самими читателями. Что интересного в вашем городе. Город под землей, пионер-самокат, дедушка Приказчиков, пионеры с крыши... мира и др.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ.

СНИП. Новая игра читателей „Пионера“ — серия третья. Тысячи ответов. Все ребята играют в СНИП.

ЕРШ. В Ерше много нового. Ершиный бумеранг. Фото-ерш и еще.

ОТГАДАЙ.

ЧТО ЧИТАТЬ.

ОБЛОЖКА работы худ. А. Брея.

Редколлегия: *Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР.* **Отв редактор** *И. РАЗИН*

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 16 АВГУСТ 1928 г.

ЛЕТНЯЯ ПЕСЕНКА

Стих. М. СВЕТЛОВА

Рисунок В. ГВАЙТА

Нас летнее солнце
Пригрело, как надо,
Мы в речке купались,
Мы грелись не даром
Коричневой кожей
Сверкают отряды,
Веселой улыбкой,
Цветущим загаром...

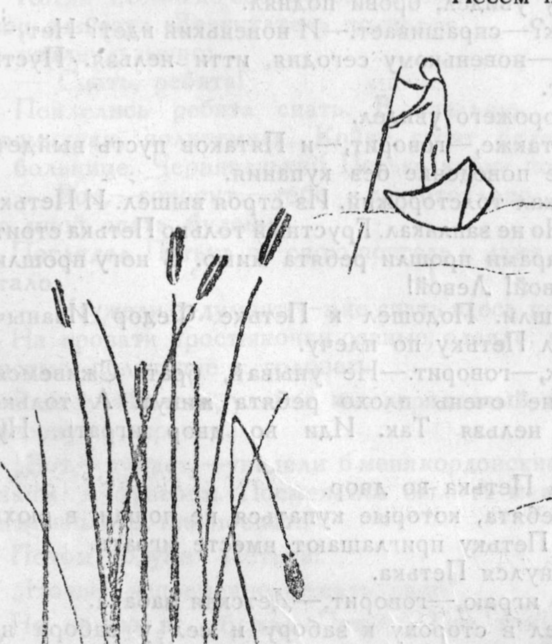

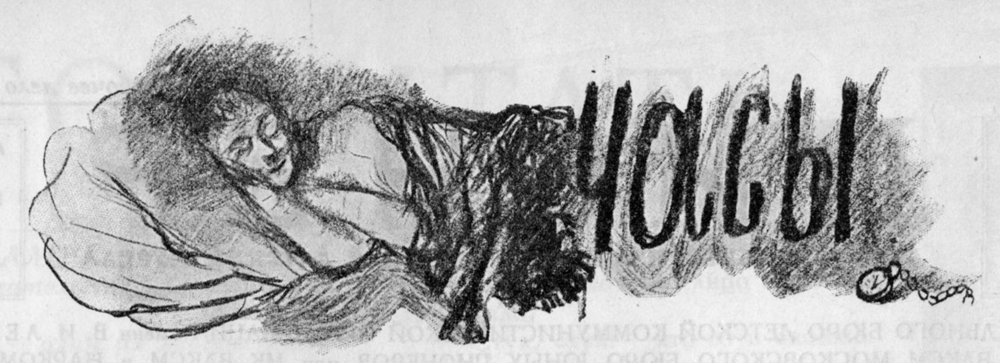
Над речкой закат
Фиолетов и розов,
Кукушка кукует
Средь веток зеленых;
От летнего солнца
До зимних морозов
Мы молодость нашу
Несем на знаменах.

Костры разгорелись,
Палатки белеют,
Нам к ужину рыба—
На первое блюдо...
Кто духом здоров—
Никогда не болеет,
Кто телом здоров
Не боится простуды!

Широкое поле,
Зеленые травы,
Колосья густым
Поднялись урожаем,
Широкою песней,
Веселой оравой
Мы славные летние
Дни провожаем.

Нас летнее солнце
Пригрело, как надо,
Мы в речке купались,
Мы грелись не даром—
Коричневой кожей
Сверкают отряды,
Веселой улыбкой,
Цветущим загаром!

Повесть Л. ПАНТЕЛЕЕВА

Рисунки Г. БЕРЕНДГОФА

(Продолжение)

Только вышли они в коридор—звонок. Бежит звонок по всем этажам. С шумом несутся ребята по коридорам... С топотом, с гиком.

— Обедать!—кричат.—Обедать!

Петьку чуть не уронили, затолкали, поволокли. Потерял Петька немца.

Растерялся,—не знает, что делать. И вдруг видит черняшенького парнишку, того, что в конторе звезду рисовал. И тот Петьку увидел... Улыбнулся, рукой махнул.

— К нам,—кричит,—в нашу группу!

Вбежали они в столовую приютскую. Там уж ребят видимо-невидимо. За громадными столами сидят. На столах оловянные миски с супом дымятся. Вкусно дымятся. У Петьки даже ноздри защекотало, в колени дрожь прошла.

Сели обедать. Шумят ребята, ложками размахивают, хлебными корками перебрасываются. А Петька на суп насел... Шутка ли: парень два дня пищи не нюхал, всего-то за два дня пончик мильтонский с'ел... Ясно—с жадностью ест. Алчно.

Не соврал немец—после супа кашу подают. Гречневую, с маслом. Петька и кашу подзавернул в два счета. Киселя дали—кисель с'ел и миску облизал. Ребята, которые рядом сидят, смеются. Особенно один, толсторожий. Тот прямо издевается.

— Ну и обжора,—говорит.—Ну и горазд жрать... Слон, ей-богу, меньше ест.

Смеются ребята. Обидно Петьке. Терпел он терпел и не вытерпел. Облизал свою оловянную ложку, поглядел толсторожему в нахальные его глаза и, размахнувшись, *ударил ложкой в самую толсторожую переносицу*...

Ужасно закричал толсторожий и схватился за свою переносицу. Зашумели ребята. Федор Иваныч прибежал. Плачет толсторожий и держится за свою переносицу.

— Кто тебя так?—спрашивает Федор Иваныч.

— Вот...—показывает толсторожий на Петьку.—Вот этот, ложкой.

Строго посмотрел Федор Иваныч на Петьку.

— Встань,—сказал.—Встань, тебе говорят!

Встал Петька, смотрит исподлобья: Чего, дескать, надо?

— Так,—сказал Федор Иваныч.—Так. А теперь выйди вон.

Не понял Петька,—пошел за заведующим. И когда выходил из столовой, услышал за спиной:

— Федор Иваныч! Новенький не виноват.

Голос знакомый—черняшенький крикнул.

Вышли они в коридор.

— Так,—сказал Федор Иваныч.—Слушай, что я тебе скажу... Драться нельзя. Так. На улице можно было драться, у нас нельзя. Понял? А в наказание встань здесь и стой, пока обед не кончится.

Повернулся Федор Иваныч и пошел по коридору. А тут как раз и обед кончился, выбежали ребята из столовой. Бегут ребята мимо Петьки. Петька к стене прижался... Бегут. Толсторожий пробежал. Язык показал Петьке.

Черняшенький пробежал. Крикнул:

— Купаться пойдешь?

Встрепенулся Петька.

— Куда купаться?

— На речку, к кордону.. Вся наша группа идет. Айда?

У Петьки уж план на уме.

— Айда!—говорит.

Побежал вместе с черняшеньким.

А черняшенький на-ходу говорит:

— Ты с Пятаковым не дерись. Если он драться будет,—не дерись, а *заявляй* прямо в ШУС, в школьный совет.

— Ладно,—думает Петька.—Некогда мне в шусы заявлять. Я сейчас на кордоне буду... До свиданьица.

Выбежали они в огромный зал. На стенах всякие плакаты, Ленины и Троцкие висят, пол паркетный блестит, как вода в лужах. И ребят видимо-невидимо.

Строятся ребята, как солдаты, в два ряда. Бородатый дядя с палкой в руке командует.

— Смирно!—командует.—Равнение направо!

Стал и Петька. Тоже по-солдатски вытянулся. Равнение направо взял.

А тут входит в зал Федор Иваныч. Вошел, осмотрел ребят. Кому-то кушак поправить велел, кому-то лицо вымыть...

Петьку увидел, брови поднял.

— Как?—спрашивает.—И новенький идет? Нет,—говорит,—новенькому сегодня итти нельзя. Пусть отдохнет.

Толсторожего увидел.

— А также,—говорит,—и Пятаков пусть выйдет. За такое поведение без купания.

Заплакал толсторожий. Из строя вышел. И Петька вышел. Но не заплакал. Грустный только Петька стоит. Вот парами прошли ребята мимо. В ногу прошли.

— Левой! Левой!

Вот ушли. Подошел к Петьке Федор Иваныч. Похлопал Петьку по плечу.

— Так,—говорит.—Не унывай, брат. Сживемся. У нас не очень плохо ребята живут. А только драться нельзя Так. Иди во двор играть. Ну! Веселее!

Пошел Петька во двор.

Там ребята, которые купаться не пошли, в рюхи играют. Петьку приглашают вместе играть.

Усмехнулся Петька.

— Не играю,—говорит.—Детская забава.

Отошел в сторону к забору и сел у забора на мелкий щебень. Сидит и думает.

„Что делать? Как действовать?"

А вокруг предвечерний туман поднимается. Солнце зашло. Темнеет. А ребята вдали в рюхи играют, и звенят их далекие голоса:

— Сбил! Попа сбил!

— Врешь! В городе поп...

И щелкают ихние рюхи.

А Петька думает:

„Смыться я, конечно, смоюсь, слов нет. Но только часики при себе держать опасно. С ними греха наживешь... Завалишься. Спрятать надо часы до поры до времени".

Решил Петька спрятать часы. Решил закопать их в землю, пока не подойдет время бежать. А бежать задумал в эту же ночь.

Лег Петька на живот, огляделся. Ребята в рюхи играют, попов каких-то бьют. Воспитатель сидит, книжку читает. Никто на Петьку не смотрит.

Разгреб Петька щебень у самого забора, ямку глубокую, до локтя вырыл. Вынул часы, плотно обвязал их тряпочкой и сунул в ямку. Ямку закопал, рукой притоптал, щебнем засыпал. Чтоб место не забыть,—прутик небольшой воткнул.

Потом улегся, положил голову на место, где клад закопал,—мечтать стал.

И снова хорошие, веселые мысли полезли в Петькину башку. Снова грустить перестал Петька... Замечтался.

Когда ребята с купанья пришли и чай пить в столовой сели, Петька на толсторожего внимания не обращал, хоть тот и снова издеваться начал. Зато за Петьку черняненький вступился.

— Брось, Пятаков,—сказал черняненький.—Мало тебе досталось от новичка? Еще хочешь?

Притих Пятаков-толсторожий.

После чая ребята, все—и большие и меленькие—во дворе в лапту играли. Петька не умел, а то сыграл бы. Бегать ему хотелось и веселиться.

Когда стемнело совсем, снова звонок зазвенел. Воспитатель поднялся и крикнул зычно:

— Спать, ребята!

Поплелись ребята спать. В спальню. Спальня громадная, полутемная. Койки стоят рядами, как в больнице. Черняненький Петьке койку показал.

— Вот,—говорит,—тебе приготовлено. Рядом со мной спать будешь.

Поглядел Петька на свою постель и даже страшно стало.

— Неужели,—думает,—мне спать здесь придется?

На кровати простыночки разные, одеяло, подушки чистые, полотенце в головах.

Разделся Петька, улегся, как порядочный, в одеяло завернулся, притих.

„Вот,—думает,—увидели б меня кордонские ребята, каким я фраером. Посмеялись бы... А между прочим неплохо так поспать".

Потом подумал Петька:

„Ночью непременно бежать надо".

Но ночью не убежал Петька. Где там! Не до бегов было. Как заснул, так и проспал до утра. Шутка ли: утомился, небось...

Ложкой в переносице

Дергает кто-то Петьку за ногу. Прячет Петька ногу под одеяло, брыкается... Но кто-то снова начинает тормошить его, кто-то дергает его за плечи.

Поднимает Петька голову и видит сонными глазами—стоит у его койки Федор Иваныч. Будит Федор Иваныч Петьку. Лицо у Федора Иваныча серьезное, шевелит Федор Иваныч бровями.

А ребята спят еще. Храп веселый по спальне идет... Еще не совсем светло.

— Вставай,—говорит Федор Иваныч.—Так,—говорит.—Вставай, дело есть.

Проснулся Петька, голову поднял:

— Чего?

Говорит Федор Иваныч:

— Пришли за тобой из милиции.

Упала Петькина голова на подушку. Охнул Петька.

Пришли,—говорит Федор Иваныч,—за тобой из милиции, по какому делу—неизвестно. Так. Вставай, одевайся.

Стал Петька одеваться. Руки у Петьки дрожат. Ноги дрожат. Ноги в штанину не попадают. Нехорошо Петьке.

„Зачем,—думает,—из милиции пришли?.. Неладное что-то".

Оделся Петька, пошел за Федор Иванычем.

В конторе мильтон молодой сидит. С папкой под мышкой. Безусый. Встал.

— Этот?—спрашивает.

— Этот самый,—отвечает Федор Иваныч.

— Ну так разрешите забрать его,—говорит мильтон.—Идем, гражданин.

Пошли. И не понимает Петька—куда и зачем. А мильтон идет быстро. Петьку подгоняет:

— Живее,—говорит.

Хочет Петька спросить, за каким делом его в милицию вызывают. Хочет спросить и не смеет. Очень уж серьезен мильтон. Осмелел все-таки Петька, спросил.

— Зачем,—говорит,—ведете вы меня, извиняюсь?

Отвечает мильтон:

— Сам знаешь.

Сухо отвечает, по-казенному.

Очень быстро до базара дошли. Петька по старой привычке в самую толпу хотел нырнуть—схватил его мильтон за плечи.

— Куда?—говорит.—Куда бежишь? Стороной обойдем. Не рыпайся.

Стороной обошли—в пикет попали. Ввел мильтон Петьку в пикет, в комнату начальника. Начальник за столом сидит, курит, кольчики пускает. С начальником рядом гражданин сидит,—немолодой уж, красноносый. Смотрит Петька на этого гражданина и вспоминает что-то знакомое...

„Не тот ли,—думает,—у которого я на прошлой неделе банку варенья украл? Или не тот ли, у которого уздечку намеднись свиснул? Нет, не тот".

И вдруг взглянул Петька повнимательнее на нос гражданина и сразу вспомнил:

„Так это ж часики... Это ж пьяный, который... Мамочки, голуби драгоценные... Он самый! И нос

тот же, с синеватым оттенком, и глаз косоватый, только усы не трепещут. Уныло висят усы, книзу висят".

Говорит начальник такие слова:

— Отвечай,—говорит,—по чистой совести... Украл ты или нет часы у гражданина Колупайчика?

Передернуло Петьку, однако сдержался, виду не подал.

— У какого Колупайчика?—спрашивает.

— У Семена Семеныча Колупайчика. Вот у этого самого гражданина.

Поглядел Петька на гражданина, башкой покачал.

— Первый раз вижу.

— Не ври, — сказал начальник. — Врешь ведь... Второй раз видишь...

— Ей-богу, первый.

Говорит начальник такие слова:

— Гражданин Семен Семеныч Колупайчик заявляет, что, находясь в нетрезвом виде в помещении нашего пикета, он был ограблен в количестве золотых часов неизвестным пацаном. Гражданин Колупайчик, узнаете вы этого пацана или нет?

— Узнаю, — отвечает гражданин Колупайчик. И таким ужасно пискливым голосом отвечает. Вчера басом орал, а сегодня пищит, как птенчик.

— Узнаю,—пищит.—Он самый.

Разгреб Петька щебень у самого забора

— Ну, так как же?—спрашивает у Петьки начальник.—Отдашь ты часы или нет?

Рассердился Петька.

— Откуда,—говорит,—я вам возьму часы? Не видал я никаких часов и видеть не желаю. Нет у меня ваших часов.

Усмехнулся начальник и говорит:

— Посмотрим, — говорит. Стукнул кулаком по столу.—Эй,—кричит,—товарищ Ткаченко!

Открывается дверь и входит Петькин знакомый, кучерявый мильтон.

— Слушаюсь,—говорит.—Зачем звали?

— Затем,—говорит.—Обыщи,—говорит,—с ног до головы этого шкета, отыщи в нем часы.

— Ой,—говорит кучерявый.—Так этот же шкет мне очень знаком. Я его вчерась в приют Клары Цеткин провожал... Прямо скажу—сознательная шпана. Честная. Но если приказываете,—обыщу, труда не представляет. Можно.

Наседает кучерявый на Петьку. Но на этот раз ничуть не боится Петька. Смешно Петьке. Ломается еще даже.

— Нет,— говорит.— Оставьте, пожалуйста. Обыскивать я себя не дам. Права не имеете.

И нарочно за карманы хватается.

Закричал тут начальник:

— Так?!

И пискливо закричал гражданин Колупайчик.

— Боится!—закричал.—Ей-богу, боится. Обыщите его, люди добрые. Отыщите мои часы. В кармане часы. Не дайте погибнуть золотым часам с серебряной цепочкой.

Вскочил начальник. Схватил Петьку за руки, повыше локтей—крепко схватил, не вырваться Петьке.

— Обыскивай, Ткаченко!—кричит.

Стал кучерявый Петьку обыскивать. Стал за карманы хвататься, в карманы залез, за пазухой пошарил—нет часов.

— Нету,— говорит кучерявый.— Я же говорил, что нет. Честная шпана, головой ручаюсь.

Опешил начальник.

— Как же так?—спрашивает.—А? Может вы врете, гражданин Колупайчик?

— Конечно, врет!—закричал Петька.— Поглядите в его бесстыжие глаза. Врет, конечно! Никаких у него часов не было. И быть не могло...

— Нет,—говорит Колупайчик и чуть не плачет.—Нет,—говорит,—не вру. Были у меня золотые часы с серебряной цепочкой. И взял их у меня вот этот нахальный паренек...

Засмеялся Петька.

— Чушь! говорит. Полная чепуха. Как я мог взять у тебя часы, когда сидел я на замке в одиночной камере... Сидел я совершенно один.

— Правильно, — говорит начальник, — это, — говорит, — очень подозрительно. Вас,—говорит,—гражданин Колупайчик, за клевету можно по закону пришпилить. Это,—говорит,—полная клевета по статье закона.

Заплакал тут гражданин Колупайчик. Потекли горькие слезы из его косоватых глаз.

— Бог с вами,—говорит,—но только погибли мои часы безвозвратно. Но не хочу я по уголовным законам судиться и лучше уйду.

Напялил гражданин Колупайчик шапку, поклонился начальнику, всхлипнул и вышел из комнаты.

А Петька серьезно стоит и смотрит обиженно... Оскорблен ужасно. Молчит.

— Прости,—говорит начальник.—Ошибка вышла, наглая клевета. Товарищ Ткаченко, отведи его снова в приют Клары Цеткин. Не имеем мы права задерживать воспитанника ихнего.

— Ладно,—говорит кучерявый.—Это можно. Идем, шпана.

Вышли они из пикета. Дошли до базарной площади. Остановился кучерявый и говорит:

— Иди-ка, — говорит, — шпана, один. Дорогу ты знаешь—не спутаешь. А в честности твоей я вчера уверился. Иди, брат... А я домой схожу. У меня жена именинница.

Повернул кучерявый и зашагал в другую сторону.

Стоит Петька у базара, вокруг — шум и гам, а Петька стоит и не знает, что делать: или же бежать на кордон, или же...

„Нет,—думает.—Дураком был бы я, коли бы без часиков смылся. Смыться я завсегда успею, а часикам пропадать глупо“.

Решил Петька до поры до времени итти в приют. Пошел. Базар миновал. По улице идет. И вдруг слышит—кто-то его сзади окликнул. Обернулся, видит бежит за ним гражданин Колупайчик. Бежит и рукой машет: стой, дескать, на минутку.

Стал Петька. Ждет. И тут происходит такая чепуха...

Подбегает Колупайчик к Петьке и бухает в ноги. Падает на колени и кричит.

— Голубь драгоценный!—кричит.—Умоляю! Отдай мои часики, детки у меня голодные, жена больная... Век я тебе благодарен буду... Три рубля подарю. Отдай, голубь.

Засмеялся Петька, ничего не сказал, пошел. Колупайчик с колен поднялся, за ним побежал. Петьку нагнал, за плечо хватается.

— Отдай!—кричит.—Отдай, ради бога...

Вырвался Петька.

— Уйди, — говорит. — Отстань! Не видать тебе твоих часиков, как ушей. Не получишь ты их. Понял?

Всполошился гражданин Колупайчик.

— Ах так!—кричит.—Так! Так я на тебе жаловаться буду. Я на тебя в суд жаловаться буду... По статье закона.

— Жалуйся,—говорит Петька.—Жалуйся, сделай милость. Все равно никто не поверит тебе. Врешь, скажут, больше ничего.

Сказал Петька и пошел не оглядываясь. И до того Петьке весело стало—ужас... На все свои горести наплевал. Идет, а душа хохочет, а в рожу солнце бьет —милое такое, желтое солнце. И ноги сами танцуют. Ноги идут, вытанцовывают:

— И-эх-та-да-эх-та-да эх-та-та...

Мечтает Петька:

„Смоюсь,—мечтает.—При первом случае смоюсь. Сегодня же ночью. На двор проберусь, часики выкопаю, а там через забор перемахнуть—пара пустяков... Митькой звали“...

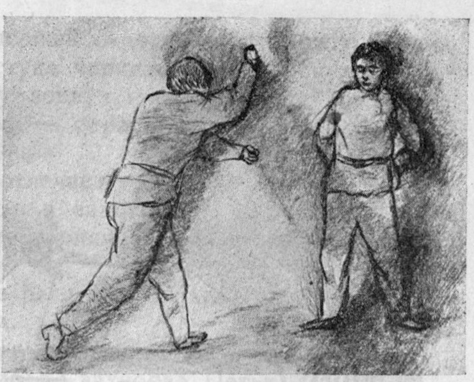
Замечтался Петька и не заметил, как до Введенской дошел. К приюту подходя, оглянулся зачем-то. Оглянулся и видит: крадется за ним по пятам гражданин Колупайчик. Оглянулся Петька еще раз: нет Колупайчика—за угол, наверно, спрятался...

„Ах, ты,—думает Петька,—Колупайчик чортов!.. Следишь!..“

Хотел Петька еще раз оглянуться, но в это время над самым его ухом загремело:

— Эй! Поберегись!

И лошадиная морда чуть не врезалась в Петькин затылок.

Сам ты паразит!

Петькино счастье—успел отскочить. А не то, раздавил бы его своими копытами громадный битюг.

Целый обоз с дровами ехал по улице. Гужбаны нахлестывали битюгов, кричали и отчаянно ругались... Телеги с дровами, громыхая, проезжали мимо Петьки.

„Куда это?—подумал Петька.—Куда это везут такую уйму дров?“

И до того любопытно ему стало, что подошел к переднему гужбану и спросил:

— Куда это, дяденька, везете вы столько дров?

— В приют,—ответил гужбан.—В приют для дефективных детей Клары Цеткин.

„Здорово!“—подумал Петька. С гордостью подумал.

И говорит:

— Это,—говорит,—вы нам везете. Хорошенько везите. Не растеряйте там по полешку.

Засмеялся гужбан и стал нахлестывать лошадь. А Петька в приют пошел. Только к воротам подходит—выезжают из ворот пустые подводы. Удивился Петька.

— Неужели,—думает,—тоже дрова привезли?

Вошел Петька во двор и глаза вытаращил.

А потом подкосились у Петьки ноги.

Весь двор был завален дровами. Огромная площадка от забора до забора была загружена березовыми, сосновыми и еловыми восьмивершковыми поленьями. Ребята с шумом укладывали дрова в поленницы, а заведующий Федор Иваныч бегал вокруг, потирая руки, и кричал:

— Так! Веселей, ребятки. Складывай!..

Подбежал Федор Иваныч к Петьке, хлопнул Петьку по плечу.

— Так!—кричит.—Видишь? Восемь кубов привезли... Видишь, как о вас, чертенятах, заботятся? Видишь?

— Вижу,—сказал Петька.—Спасибочки.

И, качаясь, пошел Петька в глубь двора, к лестнице; да не дошел—упал на дрова. Заплакал:

— Ах, часики... Погибли вы, мои часики!..

Сидит Петька, плачет. Льются слезы рекой. Не унять.

Подбегает чернявенький. Склонился над Петькой.

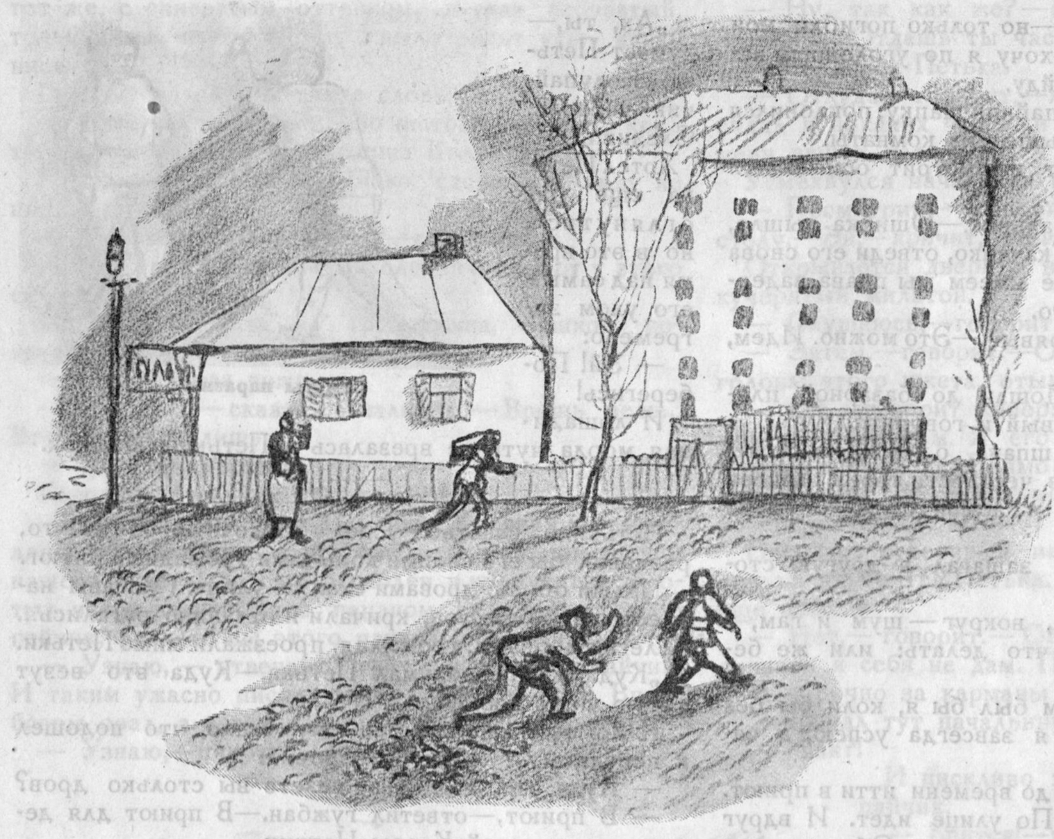
— Чего ты?—спрашивает.—Кто тебя? По какой причине плачешь?

Встал Петька, посмотрел черняненькому в лицо и сквозь зубы:

— Пошел к чорту!

Поднялся Петька, за перила держась, по лестнице. В коридоре сел на окно. Сидит и думает:

„Что,—думает,—теперь делать? Нет теперь смысла в жизни. Бежать?—обидно“...

Бежит Колупайчик: стой, дескать, на минутку!

Только к чаю вечернему в столовую заявился. Выпил чай свой, хлеба сожрал полфунта и спать пошел.

Приснился Петьке сон. Сидит будто Петька у бабки Феклы и мясо жрет. Свинину. Пихает Петька свинину в рот громадными кусками, давится, глотает, а жир по подбородку течет и за рубаху стекает. А бабка Фекла еще на тарелку накладывает.

— Жри, — говорит.— Жри, дурница, як може швидче...

Опомниться Петька не успел,—подставляет бабка Фекла плошку с пампушками. Петька пампушки глотает, молоком запивает. А сам думает: „На сколько ж это я сожрал?“

Стал считать, а бабка Фекла за него отвечает:

— Сожрал ты,—отвечает,—ровно на три рубля с лишним... Полагается мне с тебя получить.

Грустно Петьке. Сидит Петька на окне и в окно глядит. А тут кончили ребята дрова складывать, мимо бегут. Чернявенький пробежал, остановился. Подошел к Петьке, руку на плечо положил.

— Что?—говорит.—Что с тобой происходит? Грустишь ты? Да? Хочешь, я тебе книжку дам почитать?

— Нет, говорит Петька.—Не хочу. Уйди ты, ради бога.

Говорит чернявенький:

— Книжку если читать, то не так грустно. Я тебе непременно дам книжку. Ты „Нос“ Гоголя читал?

Разозлился Петька.

—Никаких,—говорит,—носов не читал и читать не желаю. Уйди!

А тут другие ребята подошли, обступили окно, где Петька сидел. Слушают. Чернявенький и говорит:

— Посмотрю я на тебя... Ну и поразительный же ты тип!

— Что??

Вскочил Петька с окна. Горькая обида взяла Петьку за самое сердце.

— Что? — говорит. — Повтори! Как ты сказал? Паразительный? Это я паразительный? Сам ты паразит, цыганская морда. Я тебе за такие слова, знаешь? — зубы посчитаю.

Сжал Петька кулак, замахнулся. Улыбается чернявенький и говорит:

— Напрасно, — говорит, — замахиваешься. Драться я с тобой все равно не буду.

— Ага! — закричал Петька. — Боишься?

— Да, — говорит чернявенький, — боюсь. Я,— говорит, — принципиально боюсь.

Замахнулся Петька еще раз да опустил руку — не посмел почему-то ударить. Опустил руку и пошел, качаясь. А сзади ребята хохочут и больше всех толсторожий Пятаков хохочет...

Заплакал Петька от горькой обиды, пошел куда глаза глядят. Где-то под лестницей забился в угол, до вечера просидел. Даже к обеду не вышел.

Встает Петька и говорит:

— Бей меня, бабка Фекла. Нет у меня, бабка Фекла, денег. Нет у меня ни гроша.

— Зато, — говорит бабка Фекла, — у тебя часы есть. Гони часы в уплату долга.

Сунул Петька руку в карман, вытаскивает оттуда пачку денег. Одни червонцы вытаскивает. Штук сто. Дает Петька бабке Фекле штуки четыре.

— На, — говорит, — бабка Фекла. Получи.

Кланяется бабка Фекла в ноги. Сердечно благодарит Петьку за такую щедрость. А тут входят откуда-то кордоновские ребята. Митька Ёжик входит, Васька-Протопоп, Козырь, Мичман... И все кланяются в ноги и всем дает Петька по червонцу. А сам влезает на стул и кричит:

— Пойте, — кричит. — Пойте: „Гоп со смыкой“...

Вдруг откуда-то кучерявый мильтон выскакивает. Выскочил, папкой махнул.

— А ну беги, — кричит.

Страшно стало Петьке — побежал. На улицу выскочил и бежит. А бежать сапоги мешают. Тяжелые на ногах полсапожки. Споткнулся Петька на каком-то углу и упал в канаву, в канаву упал — проснулся.

Весь в поту. Одеяло на пол сползло, разметались подушки. Жарко Петьке — дышать невозможно. А в окно луна смотрит. А рядом ребята храпят. Чернявенький рядом храпит. И над самой Петькиной головой вентилятор:

— Ж-ж-ж-жу.

Поднял Петька одеяло, лежит, а спать не может. Страшная давит Петьку тоска.

Думает Петька о разных вещах, но больше всего о воле. Вольную жизнь вспоминает, горюет... А вентилятор все:

— Ж-ж-ж-жу. Ж-ж-ж-жу.

Спать мешает Петьке.

Вот где-то вдали, за окном паровоз загудел. Встрепенулся Петька.

„Ох, — думает, — хорошо сейчас на вокзале. На вокзале сейчас поезд московский встречают. Ребята наши все, поди, там. Весело!.. А здесь лежи, как дурак, на простыночках“...

Приподнялся Петька на локте, оглядел спящих ребят, усмехнулся горько.

„И как это, — думает, — могут люди терпеть? Ведь живут же... и бегать не думают... Даже в лапту играют“.

Лежит Петька. Потом обливается. Спать не может. А вентилятор:

— Ж-жу...

Вдруг далеко где-то колокол ударил.

На каланче пожарный ночные часы отбивал.

— Бом-м!

Бом-м!

— Бом-м!..

— Три часа, — сосчитал Петька. И вдруг часики вспомнил. Задрожал весь.

„Нет, — думает. — Терпения моего нету. Пойду, попытаюсь... Может и достану часики, раздобуду часики“...

Потихоньку оделся Петька, подумал немного и сложил одеяло в комок, будто лежит человек под одеялом. Подушку примял...

На цыпках к окну подошел. Осторожно затворку поднял, открыл окно.

И сразу приятно ветром в лицо дыхнуло. Задышал Петька полной грудью и высунулся из окна.

Прыгать, конечно, страшно: второй этаж и камни внизу блестят.

Рядом труба водосточная. Карниз узенький. А до трубы шага три.

Осмелел Петька, вылез на карниз, раздвинул пошире ноги и перемахнул к трубе. Вниз по трубе — плевое дело. Раз-раз и готово — стукнули каблуки о камень.

Во дворе Петька... Ходит и место ищет, где часики закопал. А место, известно, у забора, а до забора саженей на девять дрова.

Плотно Петькины часики дровами заложены.

„Ну, — думает Петька, — ничего. Как-нибудь. Раскопаю“.

Плюнул Петька на руки и ухватился за первое полено. Потащил к себе. А полено тяжелое, сырое.

Стащил Петька первое, за второе полено ухватился... Третье стащил. Отбросил. Штук двадцать раскидал — уморился, весь в поленьях закопался. Роет все-таки, думать ни о чем не хочет, роет, как крот... бешено роет, знай себе, тянет полено за поленом.

Вот потащил какой-то тяжеленный чурбан с самого верха. Не выдержали руки — рухнул чурбан, загремел.

Раздался вдруг лай. Пес откуда-то выскочил. Испугался Петька, бежать не может.

А пес лает, воет, зубы скалит на Петьку, и глаза у него, что у волка, горят...

Сидит Петька, в дровах окопавшись, дрожит и думает... думает, вспоминает... Вспомнил, наконец:

— Король! — кричит. Негромко кричит. — Король! Цыц на место!

И сразу перестал лаять Король. Завилял хвостом, погасил глаза и отошел.

А Петька что было духу к трубе. Взобрался по трубе на второй этаж и в окно. Чуть с карниза не сверзился. Влез все-таки.

Койку свою отыскал. Сел, стал раздеваться скорее. И все дрожит. Зубы даже лязгают.

Снял Петька первый сапог и неосторожно бросил его на пол. От стука чернявенький проснулся. Поглядел на Петьку, зевнул и спрашивает:

— Ты куда это, — спрашивает, — ходил?

Смутился Петька.

— В ватер, — отвечает, — ходил.

— А зачем же... в сапогах?

Но не дождался чернявенький Петькиного ответа, заснул.

И Петька тоже разделся, залез под одеяло и раз-раз — захрапел.

И во сне Петьку дрожь пробирала...

Удивительное дело — захворал Петька.

Странно даже. В каких, бывало, переделках парень бывал — ни малейшего кашля. Даром, что чахлый, — грудь никогда не болела.

Летось в октябре, в заморозках уж, купался — и ничего. Всякую гадость ел, голодал неделями — тоже ничего. А тут, накося, заболел форменным образом.

Снесли Петьку в приютский лазарет и определили у него воспаление в легких.

Ухаживал за Петькой санитар Рудольф Карлыч.

Хворал Петька три недели. Целых три недели без памяти лежал и к смерти готовился.

Но не умер, а выжил. Не таков Петька парень, чтобы умереть. Выжил. В себя пришел.

Проснулся Петька в дождливый день. За окном дождь шел. В лазарете карболкой пахло и тихо было.

Повернулся Петька на другой бок и вспомнил:

„На каланче часы били: бом-м, бом-м... Потом Король залаял“.

Вниз по трубе — плевое дело

Вспомнил Петька все и понял: болен был долгое время.

А тут Рудольф Карлыч вошел. Увидел, что Петька жив и здоров, обрадовался, руками всплеснул.

— Ах, —говорит,—наконец! наконец-то ты, бедный головушка, ожил. Поздравлять мне тебя от чистый сердца. Браво!

Лежит Петька, не улыбнется даже. Молчит.

— Молчи,— говорит Рудольф Карлыч.—Молчи. Тебе говорить нельзя. Тебе отдыхать надо. Кушать надо... Бульон.

Ушел Рудольф Карлыч.

Через минуту возвращается, да не один, а с черняveньким. Несет черняvенький на железном подносе тарелку супу. И улыбается во все зубы.

— Здорово! — кричит. — Поздравляю!

И ставит перед Петькой суп.

Стал Петька есть суп. Ест потихоньку, глотает полегоньку. А черняvенький сел рядом. Нагнулся и Петьке на ухо шепчет.

— У меня, — шепчет, — к тебе дело есть. Поговорить надо. Важное дело.

Поднял Петька голову:

— Что такое?

Но тут Рудольф Карлыч вмешался.

— Нет—говорит.—Больному отдыхать нужно. Ему разговор вредно. Уйди! Не мешай ему кушать бульон.

Поднялся черняveнький.

— Ладно,—говорит.—Что ж делать. Отдыхай. После поговорим, как окрепнешь немножко... Зайду я к тебе. Прощай.

Ушел черняveнький.

А Петька лежит и думает:

„Какой разговор у чернявого? Что у него за дело ко мне? Странное какое-то дело".

Но уж другие мысли лезут Петьке в башку. Более важные мысли лезут.

Думает Петька о том, как ему быть и как поступать.

Бежать ли ему из приюта, или...

Нет, не таков Петька человек, чтобы дело задуманное бросить. Решил Петька часики заполучить—заполучит. Неважно что ждать долго. Можно и потерпеть немножко, можно в приюте пожить, пока дрова не кончатся.

Стал Петька ждать, когда дрова кончатся. Поправляется заодно.

А дров, надо сказать, — восемь кубов. Дров не на месяц-два, а на год, может быть, хватит. Но твердо решил Петька ждать и ждет, терпит.

Поправляется. По лазарету ходить начал. Начал ходить из угла в угол. Скучно, конечно, ходить. К окну подойдет, на улицу посмотрит. На улице дожди целыми днями. Август уж подошел незаметно.

И вот раз приходит к Петьке черняveнький... С книжкой приходит. Поздоровался, на койку Петькину сел.

Полено тяжелое, сырое

Скучаешь? — говорит. — А я тебе книжку принес. Интересная книжка. На вот, прочти...

Отмахнулся Петька.

— Знаю, — говорит, — какие это книжки. Политические... Со смыслом. Не хочу я ваших книжек политических.

— Нет, — говорит черняveнький, — это не политическая. Политические ты зимой штудировать будешь, когда занятия начнутся...

(Окончание следует)

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР" в 1929 ГОДУ?

Что вы хотите прочитать в своем журнале в следующем году. Какие бесплатные приложения хотите получить? Ребята, присылайте свои предложения в редакцию, пишите в **„Бумеранг"**, согласны ли вы с Борей Громовым (Бумеранг в „Пионере" № 15), что нужно изменить название журнала.

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ СНИП НА 20-й СТР. НРАВИТСЯ ЛИ ВАМ ЭТА ИГРА?

ОХОТА с ФОТО-аппаратом

Рассказ А. ГЕЙЕ

Рисунки А. БРЕЯ

Над степью Ватаита стеной надвинулась туча. Она появилась с севера, черно-синяя, угрожающая, обложив горизонт с востока на запад. Залитый ослепительно-ярким светом африканский ландшафт потускнел и подернулся мрачным серо-желтым тоном.

Со своими двумя помощниками—неграми из племени вандороббо—я стоял на вершине обнаженного холма и задыхался до такой степени, что трижды повторил „ва", прежде чем смог выговорить слово „вапи" (где?). Не с огнестрельным оружием, а фото-аппаратом со вчерашнего полудня гнались мы за жирафами. Глаза туземцев, окруженные бесчисленными морщинками, характерными для людей, которым приходится часто вглядываться вдаль, сузились, и один из них, протянув маленькую, худенькую руку, воскликнул: „Там, господин!" Я направил туда свой бинокль, все еще продолжая пыхтеть, как паровоз, идущий в гору, и руки мои так тряслись, что я дважды принужден был его оставить, прежде чем разглядел что-то, что казалось двумя обломанными сучьями, там среди мимоз,—не сучья, а шеи жираф. Вновь снова вытянулись невероятно длинные шеи, освещенные ярко-желтым солнечным светом, и от акаций отделились еще три, более отдаленные. Жирафы вышли на маленькую поляну, залитую ослепительным, ярким светом, чудесным для фото-с'емки.

Двое негров, сопровождавших меня, были вышколены на славу, и как только животные вступили в полосу света, они тотчас же бросились устанавливать аппарат.

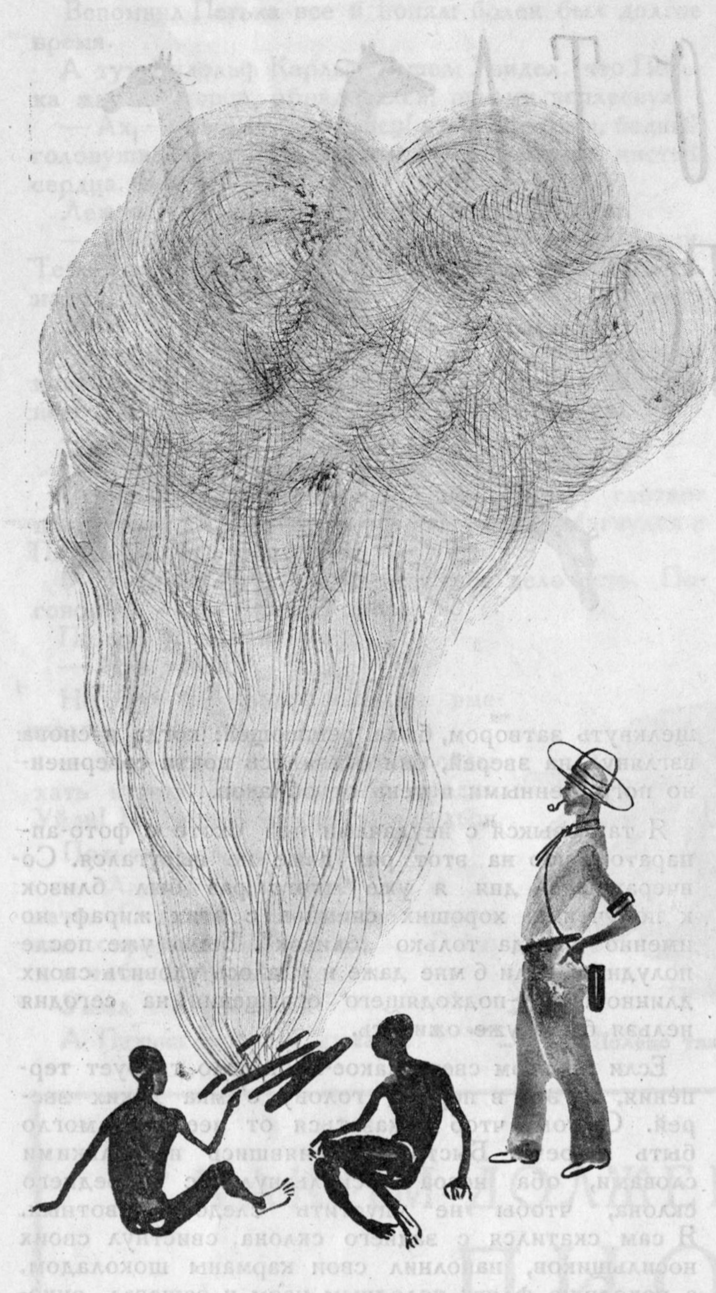
— Живей, господин, погляди-ка на солнце!—прошептал один из них, показывая на все более разрастающуюся стену туч. Я и сам знал, что через минуту будет уже поздно, не будет подходящего освещения, и работал в безумной спешке у аппарата.

Аппарат был уже почти установлен. Еще один быстрый взгляд в направлении животных,—они стояли превосходно,—я нажал кнопку щелевой заслонки,—и... я забыл пластинку! Секунда, которая нужна была, чтобы вдвинуть пластинку и снова щелкнуть затвором, была решающей: когда я снова взглянул на зверей, они оказались почти совершенно погруженными в тень от облаков.

Я так свыкся с неудачами при охоте с фото-аппаратом, что на этот раз даже не выругался. Со вчерашнего дня я уже много раз был близок к получению хороших снимков с этих жираф, но именно всегда только „близок". Было уже после полудня и, если б мне даже и удалось уловить своих длинношеих,—подходящего освещения на сегодня нельзя было уже ожидать.

Если на этом свете какое-либо дело требует терпения, то это в первую голову с'емка диких зверей. О том, чтоб отказаться от нее, не могло быть и речи. Быстро обменявшись несколькими словами, оба негра соскользнули с переднего склона, чтобы не упустить следов животных. Я сам скатился с заднего склона, свистнул своих носильщиков, наполнил свои карманы шоколадом, а походную флягу холодным чаем и зашагал, руководствуясь надломленными ветвями, которые шедшие впереди оставляли в качестве указателей пути.

Тесно прижавшись друг к другу, мы попеременно спали неподолгу на холодном ночном ветру, все прислушиваясь и вглядываясь в темноту маленькой котловины, поросшей акациями, где преследуемые сделали остановку. Около четырех часов начал накрапывать дождик, который, все усиливаясь, превратился в ливень, затем полил, как из ведра, или точнее—из ванны. Мы чуть не захлебнулись, мерзли, как собаки, но все же непоколебимо оставались на месте. Об обратном возвращении в нижерасположенную степь, превратившуюся в сплошное болото и озеро, нельзя было думать. Наконец, когда я уже был наполовину мертв, оба негра на три четверти—дождь прекратился, темное небо прорезал скудный, серый, холодный свет и такими же серыми и холодными выступили из сумерек лица моих спутников.

Запылал громадный костер

В тумане, поднявшемся от земли, не было видно и следа жираф. Мы предварительно мужественно исполнили своего рода воинственный танец, чтобы размять окоченевшие члены: затем негры, с свойственной им одним чудодейственной ловкостью, нарезали сухих щепок из поленьев, которые по внешнему виду казались губками, пропитанными водой.

Запылал веселый громадный костер. Я вынул из моего дорожного мешка пригоршню размазни, состоявшую из вымокшего чая и сахара. Из этой размазни и дождевой воды, желтой от примеси глины, мы приготовили напиток, который я приправил доброй порцией виски (водки), чтобы согреться.

Когда вода спала, мы снова пустились бежать по влажному лесу в поисках следов жираф и в конце концов отыскали их. Следы эти, круглые и глубокие, как умывальные чашки, были вдавлены в размякшую почву. Полные надежд, мы зашагали вслед за ними, облитые прорезавшимся сквозь тучи солнечным сиянием.

Через час я снова „чуть-чуть“ было не получил снимка—на этот раз в решающий момент аппарат накренился в размякшей почве; затем заново лил дьявольский дождь. почти до полудня; затем мы с урчащими животами продолжали часа два искать следов и лишь после полудня нашли их, наконец, в маленькой котловине. Я чувствовал, что если на этот раз дело не выгорит, я обязательно взбешусь: во мне все бушевало и кипело.

Мои бравые негры устремились на вершину, чтобы перерезать преследуемым жирафам путь через гребень; маленький негр Саиди, несший ружье, и негр с аппаратом остались при мне и плелись за мной вдоль подошвы горы. Здесь внизу было топко; уже несколько раз пришлось нам обходить сухие навозные кучи, несомненно обязанные своим происхождением буйволам и как-то раз мне даже показалось, что мне ударило в нос запахом буйвола. В этот момент я был полон ожидания увидеть наконец, в траве следы наших проклятых жираф.

Тут меня внезапно схватил за руку маленький Саиди и с широко открытыми от смертельного страха глазами указал своим маленьким дрожащим черным пальчиком налево в траву.

О, ужас! Там, в расстоянии десяти метров, стоял огромный старый буйвол, хлестал себя хвостом по бокам и качал поднятой вверх массивной головой из стороны в сторону. Он, повидимому, учуял обоих негров на вершине. С гораздо большей осторожностью и большим проворством, чем при нашем продвижении вперед, двинулись мы теперь назад.

У входа в ущелье я остановился, передохнул и, почесав затылок, стал размышлять, что делать. О жирафах нечего было больше думать, т. к. чтобы продвинуться к ним, я должен был пройти мимо буйволов.

Проклятье!—Старый буйвол попрежнему стоял в траве, глубокомысленно покачивая из стороны в сторону хвостом и головой. Но вот он даже оказал мне любезность и на два шага выступил из травы; аппарат был уже готов к с'емке, как вдруг в темнозеленых лавровидных кустах что-то зашуршало.

Рожица буйволенка

Сдерживая дыхание и вытянув шеи, зорко уставились мы в кусты. Шум приближался к нам, сердце сжималось все сильней. Внезапно блестящая влажная морда раздвинула ближайшие к нам ветки и пара светло-голубых невинных глаз, принадлежавших рожице буйволенка, уставилась на нас с безграничным удивлением. Мы трое в свою очередь уставились в нее, и так мы стояли довольно долго лицом к лицу, как вдруг телячий мозг обуял внезапный страх, животное скакнуло в сторону, сопя и фыркая, и метнулось, делая козлиные прыжки, к старику и нескольким тем временем подошедшим буйволицам.

Дрянь, подлец,—ворчал я ему вслед. Но маленький Саиди вдруг взвизгнул. Я обернулся. В траве послышалось несколько глухих прыжков и тут же я увидел своих обоих негров, улепетывающих в диком галопе направо и налево. В следующий же момент я увидел мчавшегося на меня, подобно обрушившейся скале, старого буйвола и с такой же безумной поспешностью обратился сам в бегство.

Каким образом я пролетел довольно большую, покрытую травой равнину и очутился на колючей акации,—я, по правде сказать, сам не знаю; знаю лишь одно, что в этот момент я побил всемирный рекорд в скорости бега и лазания по дереву, и что между острием рога буйвола и моими штанами оставалось до ужаса ничтожное расстояние.

Затем буйвол более двух часов с поднятым хвостом и опущенной головой, со свирепо горящими глазами галопом скакал вокруг моего дерева, все кругом - кругом, временами набрасываясь на него. В промежутках он перебрасывался к двум пальмам, на которых висели в виде сверх'естественно-огромных слив оба негра, пытаясь их стряхнуть, и настойчиво возвращался к осаде моей крепости. Редко приходилось мне встречаться с подобной настойчивостью и злобой.

Я, вероятно, и поныне сидел бы на той акации, если бы спутницам этого чудовища не надоела в конце концов вся эта история и они не ушли вверх по склону. За буйволицами последовал и он, но все еще продолжал оборачиваться, в надежде, вероятно, что я по глупости преждевременно слезу с дерева.

Между острием рога буйвола и моими штанами оставалось до ужаса ничтожное расстояние

Четверть часа спустя после того, как он скрылся из виду, я осторожно спустился вниз и затем еще немного постоял, прижавшись к стволу (от этой продувной твари можно было ожидать, что он притаился где-нибудь поблизости в кустах). С дрожащим сердцем заковылял я по направлению к своему аппарату. Подхожу и вижу—случилось чудо: аппарат, отброшенный в сторону, повис на лавровом кусте совершенно неповрежденный.

Полчаса спустя пятеро людишек, еле ковыляя от голода и страданий, медленно двигались по степи. Медленнее всех подвигался я, так как у меня были причины держаться за свои штаны: у акации очень длинные, острые шипы.

И все же неделю спустя я совершенно неожиданно удачно заснял нескольких жираф и зебр, пасшихся вместе. Освещение и пейзаж были не так хороши, как тогда, но после всего того, что я пережил в погоне за жирафами, этот снимок был мне особенно мил и дорог.

АВГУСТ СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ № 10

ЧТО ВАС ВОЛНУЕТ

Надежда Константиновна Крупская в № 65 „Пионерской Правды“ обратилась к звеньям ее имени с письмом, в котором пишет вот что:

„Когда читаешь многие из ваших писем, то тогда впору подумать, что это пишут не живые ребята, которые хорошо знают жизнь, многие из которых много горя хлебнули, а какие-то институтки, не то воспитанники кадетских корпусов, которые жили огороженные от живой жизни в закрытых учебных заведениях. Или вы слепые, или вы думаете, что мне интереснее знать, сколько пьес вы разучили, сколько экскурсий сделали, сколько бесед провели, чем то, что вы заметили в окружающей жизни, что вас волнует, что вы делаете для того, чтобы жизнь изменить к лучшему“.

„Бумеранг“ тоже получает много писем. В них деткоры часто говорят об экскурсиях, о сборах, о площадках... Все эти заметки нередко повторяют друг друга и в большинстве своем являются просто хроникой, ничуть не интересной для других читателей.

Мы в редакции внимательно читаем все эти заметки и удивляемся. Неужели не о чем больше писать? Неужели так скучна и однообразна пионерская и детская жизнь, как скучны и однообразны заметки деткоров?

Лучшим ответом на этот вопрос послужит обсуждение на всех звеньях и отрядах письма Н. К. Крупской. Мы будем ждать от наших деткоров откликов на это письмо, а заодно и на заметки, помещенные в прошлых номерах „Бумеранга“.

Описывайте не только свою работу, но и повседневный быт ребят.

Пишите о том:

Как на деле проводятся законы юных пионеров?

Дружат ли ребята между собой?

Воспитываются-ли в пионерах качества нового человека?

По примеру партии и комсомола проверяйте сами свою работу.

Бьем по недостаткам в отрядах и школах!

Против ругани, хулиганства, против национальной розни поднимают голос протеста наши деткоры.

ВОТ ТАК ПИОНЕРЫ!

В г. Бердичеве существует детплощадка отряда союза Медсантруд. Не советую я вам ходить на эту площадку. Вот пришел я раз с ребятами на эту площадку посмотреть, как ребята занимаются физкультурой.

Подходит к нам пионер этого отряда Лернер и спрашивает:

— Вы не нашего отряда? Нет? Ну, так выходите-ка отсюда! А если не выйдете, то вас сейчас здесь изобьют так, что вы и домой не дойдете!

Не успели мы дойти до выхода, как на нас налетело несколько пионеров из этого отряда и стали нас избивать.

Ячейка ВЛКСМ! Совет отряда Медсантруд! за вами слово!

Деткор ХАИТ.

ПРОТИВ „ЦУРОК“! ПРОТИВ „ЧИЖИКА“!

Распространенная среди школьников и пионеров игра в „цурки и палки“ или „чижика“, очень вредна для ребят. „Цурка“ или „чижик“ летит с большой силой и часто попадает в играющих ребят. При мне одному школьнику чуть-чуть не выбили глаз „цуркой“ („чижиком“). К счастью, „цурка“, попала ему немного ниже глаза. Попади она выше,—от глаза не осталось бы и помина. Другому школьнику „цурка“ („чижик“) попала в нижнюю челюсть и разбила кость. Этот школьник 2 месяца лежал в больнице и не ходил в школу, пока кость не срослась. Кормили его через трубочку вставленную между зубами.

Таких случаев с плохими последствиями от этой игры у нас сотни, и все же ребята продолжают играть в эту игру.

Я прошу „Бумеранг“ помочь искоренить эту игру.

Т. Ойзерман.

Днепропетровск.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ.

С тех пор как пионеров города Пирятина прикрепили по национальным школам, спайки между национальными отрядами и украинскими отрядами нет никакой. Как будто бы это совсем разные организации. Даже замечается национальная вражда.

Это большой дефект в нашей пионер-организации. Надо было бы вожатым над этим призадуматься и устраивать совместные сборы, игры и вечера украинских и нац. отрядов. Это полезно и для обмена опытом работы. Национальной розни не должно быть в пионер-организации!

Рая БРАСЛОВСКАЯ.

Гор. Пирятин.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ!

ПЕРВЫЙ!

На одном из сборов нашего отряда при 2-й Гособувной ф-ке в Одессе стоял вопрос о займе индустриализации.

Вожатый раз'яснил его громадное значение для дела строительства социализма и предложил отряду коллективно подписаться в рассрочку на одну облигацию.

Отряд единогласно постановил: приобрести одну ОБЛИГАЦИЮ в 25 РУБЛЕЙ.

Ребята решили: на каждого из нас выпадает всего лишь несколько копеек, зато все вместе, подписавши на 25 р. облигацию, МЫ СМОЖЕМ ПОМОЧЬ ГОСУДАРСТВУ В ДЕЛЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ, ПОМОЖЕМ СТРОИТЬ СОЦИАЛИЗМ.

Подписываясь на заем, мы, пионеры 2-й Гособувной ф-ки в Одессе, вызываем пионеров следующих отрядов последовать нашему примеру.

Вызываем следующие отряды: при газете—„Известия“, Вуфку, Местрон, Пищевиков и Трамвайщиков.

Деткор З. Тульчинский

(Одесса)

Побег из лагеря

(Любители путешествий)

Об'единенный лагерь пионеров Сев. жел. дороги.

Лагерь торжественно открылся. Но в этот же день вечером необычайное событие потрясло весь лагерь: трое ребят из 5-го отряда убежали из лагеря. Целый день искали их в лесу и не нашли. А эти ребята ночевали на станции, а утром уехали в Москву. В Москве они пошли на Курский вокзал и поехали в Сочи. Но, проголодавшись, они вернулись, от'ехав от Москвы на 92 версты. На следующий день они явились в лагерь, где были встречены обеспокоенными родителями.

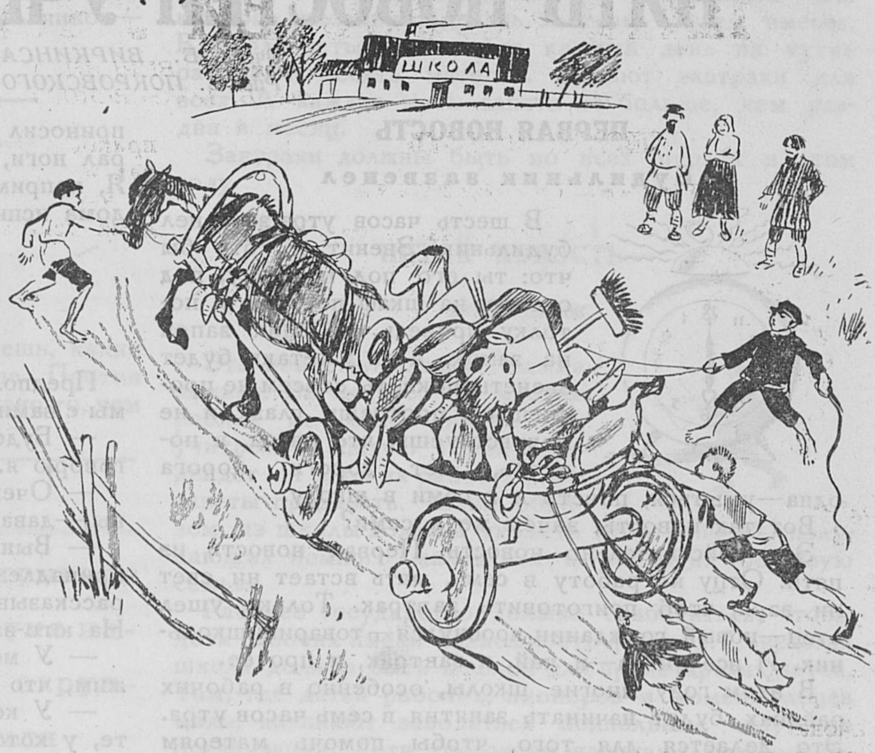
Ребята, так делать нельзя! Подражать повадкам беспризорных — любителей путешествовать—пионерам не годится! Из-за вас вожатый теперь получит выговор.

В.

1 сентября начинаются занятия в городских школах и 15 сентября деревенских.

Деткоры! Школьники! Пионеры! Пишите в „Пионер“ о школьной жизни! Готовы ли форпосты к работе в школе? Готовы ли школьные и пионерские клубы? Готовы ли мастерские, библиотеки, кружки?

БУДЕМ ЗАВТРАКАТЬ

Решили ребята, чтобы у них в школе были горячие завтраки. Сказано—сделано: провели подписку, произвели сбор пожертвований и везут целый воз всякой снеди в школу. Сгоряча прихватили с собой и вещей не очень с'едобных. Какие это вещи—писать не стоит. Загляните к ним на воз.

ТЕЛЕГРАММЫ

Деткор Н. Судьин из I-го пионер-отряда им. Ленина при стеклозаводе „Красное Эхо“, Владимирской губ., пишет:

„Всему отряду непонятно, почему ячейка выделила нам в вожатые игрока и хулигана Серебрякова, который ругается нецензурными словами, а не примерного комсомольца Корнилова, Николая“.

Почему Серебрякова, а не Корнилова? Непонятно также и „Бумерангу“, который срочно вылетел на завод „Красное Эхо“.

Деткор В. Овчаров (ст. Харцызск, Сталинского округа) сообщает, что в неделю обороны пионерский военный кружок целиком (28 чел) вступил в члены Осоавиахима.

Деткор-эсперантист сообщает, что в Киеве на Днепре окружным бюро Ю. П. открыта водная станция.

Деткор В. Ратнер из 28-го отряда г. Оренбурга сообщает, что из Оренбурга выехала экскурсия пионеров Оренбурга (20 чел.) по маршруту: Оренбург—Москва—Харьков—Севастополь. Экскурсия посетит музеи, крупные заводы, фабрики.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПИОНЕРА» В БРЯНСКЕ, БЕЖИЦЕ и НОВГОРОДЕ-СЕВЕРСКОМ

Экскурсанты Центрального дома юных пионеров Хамовнического района Москвы, поехавшие на лодках по реке Десне (приток р. Днепра), провели по поручению редакции «Пионера» 3 конференции читателей журнала: в Брянске, Бежице и Новгороде-Северском. Всего на конференциях было свыше 500 ребят. Ребят, регулярно читающих, оказалось около 60 чел.

Конференция в Брянске постановила выписывать на каждый отряд по журналу.

Конференция в Бежице решила организовать специальный сбор денег среди ребят на подписку журнала.

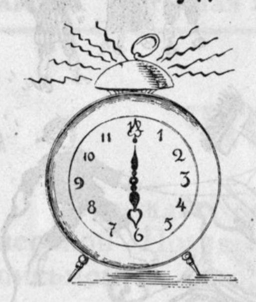
В Новгороде-Северском экскурсантами ЦД ЮП была поставлена пьеса, весь чистый сбор от которой экскурсанты передали пионерам Новгорода-Северского на выписку журнала «Пионер».

ПЯТЬ НОВОСТЕЙ УЧЕБНОГО ГОДА

Очерк Б. ВИРКИНСА
Рис. Б. ПОКРОВСКОГО

ПЕРВАЯ НОВОСТЬ

Будильник зазвенел

В шесть часов утра зазвенел будильник. Звенит и хоть бы что: ты его под подушку, под одеяло, на шкаф поставь, к потолку привесь, в ящик запри на замок, а он все-таки будет звенеть, пока ты совсем не проснешься, протрешь глаза и не почувствуешь, что назад, в постель, нет дороги. Дорога одна—умыться, поесть и к семи в школу.

Вот так новость, зачем же к семи?

Это действительно новость. Первая новость из пяти. Отцу на работу в семь, мать встает ни свет ни заря, чтоб приготовить завтрак. Только ушел отец—новый гражданин проснулся—товарищ школьник. И все снова—и чай, и завтрак, и прочее.

В этом году многие школы, особенно в рабочих районах, будут начинать занятия в семь часов утра. Это делается для того, чтобы помочь матерям школьников и чтобы приспособить работу советской школы к жизни рабочей семьи.

Семье это удобно, а школе? И школе удобно. Рано утром на свежую голову ребята лучше учатся. Только одно вам не понравится. Хочешь не хочешь, а спать нужно ложиться не позже, чем в девять, ну—в половине десятого.

ВТОРАЯ НОВОСТЬ

Мы не дикари

На классную доску плевать нельзя. Бить стекла в классе не рекомендуется. Орать диким голосом во время урока неудобно. Лить соседу чернила на голову тоже нехорошо.

Многие могут обидеться.

— Что мы дикари, или людоеды, или хулиганы?

В самом деле не дикари, не хулиганы, а между тем: на пол плюют и даже часто парты перочинными ножами режут. Мы уже не говорим о том, что разговаривать на уроках и кидаться разными предметами для школьников дело привычное, знакомое и любимое.

А преподаватель что делает? Ясное дело, если ему это мешает, так он сердится и запрещает. А если парень на пол плюнет или в шапке сидит,—так пусть плюет, лишь бы не мешал.

В этом году учителя должны будут обучать школьников, кроме математики и географии, еще многим новым предметам: не-плеванию на пол, сниманию шапок, вытиранию ног.

Мало обучить таблице умножения и логарифмам. Школа должна воспитать культурного человека, который на пол не плюет, на стенках не пишет, а кроме того еще и логарифмы знает.

От человека же, которого школа обучает, мы потребуем, чтобы все, чему его учат в школе, он приносил домой: и дома снимал бы шапку, и вытирал ноги, и не ложился бы в сапогах на кровать. Я, например, знаю одного парня—все двери у себя дома исписал и измазал. Вымыть невозможно.

ТРЕТЬЯ НОВОСТЬ

На юго-западе живут...

Предположите, читатели, что мы с вами в классе и я учитель.

— Будем, ребята, писать,—говорю я.

— Очень охотно,—отвечаете вы,—давайте.

— Вынимайте ваши учебные принадлежности, начнем. Я буду рассказывать, а вы записывайте. На юго-западе живут...

— У меня бумаги нет, Иван Иваныч (предположим, что меня зовут Иван Иванович).

— У кого еще бумаги нет? У половины? Пусть те, у которых есть, поделятся с теми, у которых нет. Поделились? Итак: на юго-западе живут...

— Иван Иваныч, у нас чернила высохли.

— А что в чернильницах?

— Мухи.

Я понимаю, что мухами нельзя писать, и говорю:

— Разведите мух водой.

Минут пятнадцать мы с вами разводим мух водой. Потом оказывается, что этой смесью писать нельзя.

— Возьмите карандаши,—говорю я и продолжаю:—на юго-западе живут...

— Иван Иваныч, карандаш сломался.

Я чиню карандаш.

— На юго-западе живут...

Новый карандаш сломался. Тогда я говорю:

— Ладно. Я буду писать на доске, а вы читайте.

Нашел я, предположим, огрызок мела, только написал: „На юго-западе живут..." как мел исписался, а нового нет. Пока новый принесли—звонок. Урок кончился. Вы хорошо узнали, что на юго-западе живут, а кто живет и что делает—никто не узнал.

Плохо у нас с вами налажено дело. Все эти мелочи надо было раньше приготовить. Тогда бы наш урок прошел с пользой.

В новом учебном году мы начнем новую работу: рационализацию школьного процесса. Этой новой работой должны будут заняться и учителя и школьники. Будет начисто переделано расписание. Во многих школах теперь расписание так делается:

5-я группа	
1	Иванов
2	Сидоров
3	Сидоров
4	Минаретов
5	Колокольчиков.

Это означает, что первый урок—родной язык—преподаватель Иванов, второй и третий: математика,

преподаватель Сидоров, а что будет: алгебра или геометрия—неизвестно. Только известно, что Сидоров. 4. Минаретов—география. 5. Колокольчиков—обществоведение.

Иногда расписание делается так:

	5-я группа
1	Родной яз.
2	Алгебра
3	Геометрия
4	География
5	Обществоведение.

Это уже лучше. По крайней мере знаешь, какие уроки. В новом году будет еще лучше. Против каждого урока на все время будет написано то, чем именно вы будете заниматься.

Уроки	5-я группа
1	Родной язык—чтение отрывков из Евг. Онегина
2	Алгебра—уравнения с двумя неизвестными
3	Геометрия—вычисление окружности
4	География—строение земли
5	Обществоведение—городское хозяйство.

А может быть еще более точно.

В этом году вы имеете право требовать от школы точных расписаний. Это третья новость.

ЧЕТВЕРТАЯ НОВОСТЬ

Хотим завтракать

Четвертая новость—горячая. Завтраки. В этом году мы должны добиться того, чтобы во всех школах были горячие завтраки. Расскажу вам два случая.

В одной школе на Урале ребята решили организовать горячие завтраки. Взяли в сельсовете телегу и поехали по дворам. Родители не отказывали ребятам—кто муки, кто картошки, кто яиц; таким образом ребята добились горячих завтраков.

Другой случай вот какой.

В одном городе на Волге школьники собрали матерей и уговорили их не по одиночке для каждого школьника делать завтрак, а всем вместе. В школе четыреста ребят, каждый день на кухне работают десять матерей. Делают завтраки для всех. А каждая мать занята не больше, чем раздва в месяц.

Завтраки должны быть во всех школах в этом году.

ПЯТАЯ НОВОСТЬ—

последняя

Эта новость, пожалуй, самая важная. Вы знаете, что многие ребята не могут никак доучиться. В пятую группу перейдет—и либо на работу, либо газеты продавать. Таким образом, из школы должны уходить дети рабочих, получающих немного жалованья и имеющих большую семью.

Рабочее государство должно озаботиться, чтобы дети рабочих имели возможность учиться. Советская школа должна быть школой для пролетарских детей. Там, где детей рабочих, пионеров и комсомольцев мало, начинают заводиться подпольные скаутские организации. Дети торговцев начинают агитировать против советской школы, против пионеров и комсомола. В таких школах начинают издаваться похабные, скверные журнальчики и газетки.

Мы должны пролетаризировать нашу среднюю школу так, как мы сделали с высшей школой, с вузами.

Нужно помочь тем учащимся, у которых плохое материальное положение. Поэтому государство устанавливает стипендии в школах второй ступени. Государство дало для этого 900.000 рублей.

Школьники-стипендиаты будут получать по 10—15 руб. в месяц и смогут спокойно учиться.

Стипендии в школах второй ступени—большое достижение советской власти. Стипендий для детей рабочих в капиталистических странах нет. В старой школе были одна-две стипендии на школу. Но самое большое, что делали старорежимные стипендии—освобождение от платы за учение детей обедневших дворян и помещиков.

В первой ступени стипендий не будет, нуждающиеся ребята будут, по возможности, снабжаться одеждой и обувью.

Вот пять новостей нового учебного года.

По СССР

А мы и не знали, что наши деткоры могут писать не только об отряде и школе, а и еще о многих интересных вещах. В этом номере мы помещаем письма деткоров в редакцию обо всем, что они видят вокруг себя.

Фотографии частью прислали ребята и фотокружки, частью редакция добыла в Москве.

Мы ждем писем от всех ребят со всего СССР.

1

ПИОНЕР-САМОКАТ

Наконец-то мы дожили до такого времени, когда каждый из нас, читателей «Пионера», может обзавестись своим автомобилем.

Правда, автомобиль этот мало похож на настоящий и приводится в движение руками, но ездить на нем можно довольно быстро.

Мы устроили состязание—на ровной дороге один из ребят лет 12 побежал, а мы поехали на автомобилях. Мы скоро догнали бежавшего и пришли к концу вместе.

Управлять этим автомобилем очень легко, он в роде дрезины. У нас на даче этим автомобилем обзавелись почти все ребята.

Деткор О. ШМИТНЕЕР.

2

ГОРОД В ЗЕМЛЕ

Каждый год к нам, в г. Николаев, приезжают важные ученые с большими бородами, в очках; они едут в город Ольвию, который находится недалеко от Николаева на реке Буг.

А города-то на самом деле нет, есть только степь, где когда-то, две тысячи семьсот лет тому назад, находился богатый торговый город Ольвия. Основали его греческие купцы и тут велась большая торговля с населявшими тогда юг СССР кочевниками—скифами.

Сейчас степь изрыта громадными ямами,—это откапывают дома и улицы засыпанной землей Ольвии. Рабочие очень осторожно копают землю и вывозят ее далеко в степь. В специальных решетах земля просеивается, чтобы вместе с ней не были выкинуты различные мелкие предметы. Как только что-нибудь найдут, ученые бросаются к находке и долго ее рассматривают, обсуждают, спорят.

Я слышала, что предполагают отрыть всю Ольвию и устроить из нее город-музей. Я читала про такой город в Италии. Называется он Помпеей и был засыпан пеплом при извержении вулкана Везувия. Теперь Помпея отрыта. Скоро и у нас, в Советском Союзе, будет такой же мертвый город.

Деткор Е. БАШКИРЦЕВА.

3

ДЕДУШКА ПРИКАЗЧИКОМ

По всей нашей деревне Моисеевке, Бежицкого уезда, Брянской губернии, славится дедушка Приказчиков. Старику 73 года, а он как примется плести лапти—любого обгонит. Особенно с тех пор как у нас в деревне электричество провели.

— Это раньше,—говорит дедушка,—мука была: в темноте иль при лучине лапти плетешь, а теперь, что прямой рай. Крутнул заключатель (так он выключатель зовет)—полна изба свету.

На одно только дед жалуется — мало кто его лапти носит, все сапоги да ботинки носят.

Да, лаптевое время прошло.

Деткор А. БРАТЧИКОВ.

КО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

Ребята, пишите в редакцию обо всем, что знаете и видите вокруг себя: о строительстве ваших городов и сел, о природе вашего края, обо всех новостях, которые случаются в вашей местности, о жизни национальных меньшинств; снимайте все, что может быть интересно вашим товарищам из других областей и республик для отдела по СССР.

ПИСЬМО МОСКОВСКИМ РЕБЯТАМ

Вы, московские ребята, живете в первом этаже земли, а мы живем на самой крыше мира, на Памире.

Это — одно из самых высоких плоскогорий земли. У нас же есть и самая большая гора СССР — пик Ленина, на которую еще никто не взбирался.

У нас все непохоже на ваше: коровы у нас с длинной шерстью, они не только дают мясо и молоко, но на них ездят и возят грузы. Даже воздух у нас другой. Недавно приезжал к нам один путешественник и остановился недалеко от нашего аула. Мы пошли на него посмотреть. Приходим к палатке, а он сидит и чай кипятит на костре.

Кипятит чай, вода не закипает, другой — то же самое. Наконец, терпенье у него лопнуло, и он как наподдаст чайник ногой... Бедняга не знал, что у нас воздух очень разреженный, и воду из-за этого надо кипятить очень долго.

Но даже на крыше мира есть много пионеров. При советской власти открыты на Памире школы и интернаты для узбекских, таджикских и киргизских детей. При школах есть пионеры.

Через наших физкультурников, поехавших на всесоюзную спартакиаду, мы шлем привет московским ребятам. Мы надеемся, что памирские физкультурники покажут хорошие достижения. Ведь Памир славится своими бегунами, и до революции бухарский хан набирал на Памире своих знаменитых скороходов и бегунов. Эти скороходы разносили ханские приказы по всей Бухаре, бегая целыми неделями.

ПАМИРСКИЕ ПИОНЕРЫ

ДОПОТОПНЫЕ КЛЫКИ

У нас, в Якутской республике, очень многие люди живут за счет давным-давно перемерших зверей.

Весной, как начнет оттаивать немного земля, отправляются в путь охотники за мамонтовыми клыками. Мамонты—это такие громадные звери. Жили они несколько тысяч лет тому назад. Они очень похожи на слонов, только покрыты шерстью да клыки у них побольше.

Мне один из якутов рассказывал, что он года три назад мясо мамонта ел. Был он в тундре и видит—в овраге, промытом весенней водой, что-то темнеется. Подходит ближе—в роде бревна, только шерстью покрыто. Сполз он в овраг—оказывается, мамонтова нога. В мерзлой земле мамонт пролежал несколько тысяч лет и хорошо сохранился. Якут отрезал кусок мяса, зажарил его на костре и с'ел.

— Ничего, есть можно, только жестко очень,—говорил он.

Добытые на берегах Ледовитого океана в тундровых болотах, на островах мамонтовы клыки везут к мастерам.

Рассказывают, что иногда охотники нападают на громадные мамонтовы кладбища, где сразу собирают сотни пудов мамонтовой кости.

Мастера на самодельном токарном станке из кости делают тысячи различных фигурок, вещичек и т. п. А среди них есть и такие мастера, которые с помощью простого ножа здорово вырезают целые сцены: якута с собачьей упряжкой, охоту на оленя и т. п.

Эти изделия идут за границу и там очень ценятся.

Деткор Н. ЯРЫШЕВ

НАША ГОРДОСТЬ

Вы, наверное, читали роман Гладкова «Цемент». В нем рассказывается о том, как рабочие восстанавливали разрушенный гражданской войной цементный завод.

Писатель рассказал почти настоящую историю. У нас, в Новороссийске, был до революции громадный цементный завод, снабжавший всю Россию цементом. Новороссийский цемент славился во всем мире своей прочностью благодаря особому составу известняка. Во время гражданской войны завод стал и был почти совсем разрушен.

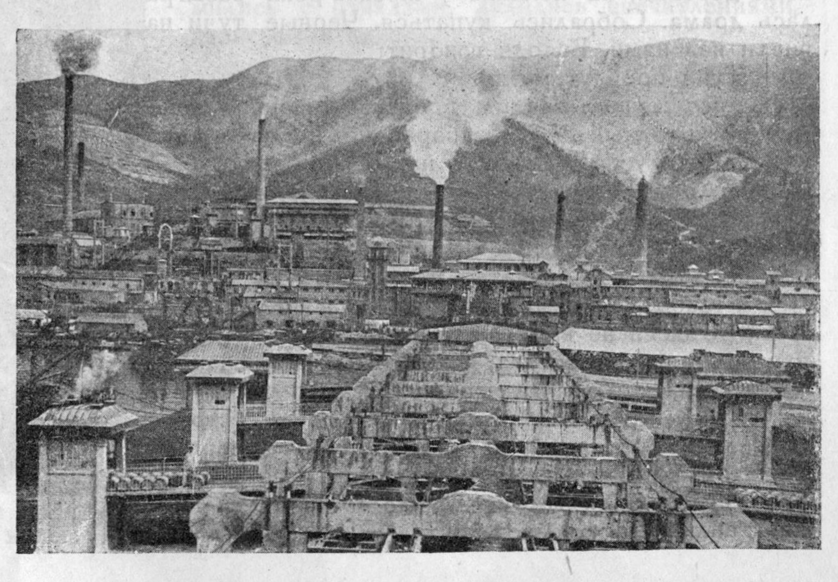
В 1920 году рабочие принялись его восстанавливать.

Сейчас цементный завод «Пролетарий»—самый большой в СССР. За прошлый год на нем изготовлено три миллиона бочек цемента на 17 миллионов рублей. Это больше, чем завод производил при старых хозяевах.

Кроме обыкновенного цемента на заводе производят особенный трассовый цемент. Этот цемент очень быстро затвердевает и очень крепкий. Его употребляют больше всего при постройке портов. Морская вода очень быстро раз'едает всякий цемент, а трассовый ее не боится.

Нашим цементным заводом гордятся все новороссийские жители и я тоже.

Деткор В. ПРИСТУПКО

ПО ПРОСЕЛОЧНЫМ ДОРОГАМ

Коллективный дневник похода 55-го отряда Красной Пресни

Вчера закрыли лагерь. В самую последнюю минуту выяснилось, что в поход мы все-таки идем.

Нас осталось 12 старших ребят и двое вожатых. К нам присоединился еще Леша, фотограф из нашей ячейки.

Весь день уничтожали лагерные сооружения. С огромным наслаждением свалили нашу „карабельную“ мачту и оттащили ее в лес. Завтра выступаем.

* * *

Наступило утро.

Ребята зашевелились. Первым проснулся Гусак и проклял себя, так как Сема послал его на речку за водой.

Как следует закусили и стали упаковываться. Одеяла, миски и всякая прочая утварь разместилась по мешкам.

Когда их взвесили, они навели Володю на грустные размышления. Он предложил выкинуть весь „баласт“: шахматы, шашки, туфли, юбки и другое. И только после этого чуть-чуть успокоился.

Все готово, и мы выступаем, но... неумолимый фотограф Леша тут как тут. Ребята очень „боятся“ сниматься. А он, как нарочно, всюду лезет со своим аппаратом.

В соседнем Трутеевском лагере сделали остановку. Отдохнули. Жарко. Скинули с себя „баласт“: брюки, форму. Некоторые ребята хотели головы скинуть, но их отговорили. 10 минут прошли, как в тумане, и мы снова выступили в поход.

Дорога хорошая. Поем песни, играем на балалайке. Костя снимает местность (мы постановили заснять маршрут всего похода, работая по очереди). Скинули с себя груз. Легли и ноги подняли кверху. Володя говорит, что это очень полезно.

На привале первая „жертва“ похода. Бомка, натерший мозоль, пришел к санкому, и Любка, вздохнув, сказала:

— Ой, начинается!

Но не началось. Бомка прошел шагов пять. Повязка спокойно сползла с ноги и пошла рядом с ним, а потом отстала.

Идем без приключений. Следующий наш этап— деревня, где будет основательная стоянка. Не доходя деревни, на полянке у Москва-реки разыгралась драма. Собрались купаться. Черные тучи нависли над нами. Володя говорит:

— Тучи пройдут мимо.

Но он оказался плохим предсказателем, и через минуту холодный дождь забарабанил по нашим спинам. Мы не успели разбить палатки и просто укрылись полотнищами; конечно, они не могли нас спасти. Дождь, а потом и град, разбили нас вдребезги. И когда все кончилось и выглянуло солнце, мы были мокрее мокрого. Девчата, пришедшие с купанья, имели такой вид, как будто они купались в одежде. Леша и здесь не выдержал, выскочил со своим аппаратом из-под штатива, накрытого полотнищем, где он скрывался, и заснял печальную картину разгрома.

Недалеко от места катастрофы решили устроить длительный привал. Ставить палатку нам, ребятам, пришлось ни много, ни мало—ровно два часа. „Рекордное“ время. Девчата что-то долго канителились и поставили ее в десять минут.

Дежурный „кочегар“ оборудовал костер, и через несколько минут огонь лизал два ведра. Кофе прекрасно нас поддержал.

Со стоянки тронулись в 7 ч. 30 мин. вечера. Разведка ушла вперед. Стемнело. На конце деревни нашли записку разведки и пошли по ее указанию. Прошли поле, луг, лес. Направо течет Москва-река. И месяц медно-красным блином плавает в вышине, освещая нам путь.

Наткнулись на небольшой ручей. Переправа очень шаткая. Но все-таки обошлось без аварий и приключений. Мы прошли по дереву, срубленному разведкой. Свернули налево и завязли в болоте.

Далеко в ночной тьме блеснул свет фонаря и растаял в реке. Должно быть, это разведка. Значит идем правильно. Но как пройти болото. Всюду, куда ни сунешься, вода. Думали переговорить с разведкой по Морзе, но из этого ничего не вышло. Вернее, выходило. Когда вспыхивал фонарик, мы застывали неподвижно и расшифровывали:

— Точка... точка...—фонарик мигал два раза.

— И,—громко кричали ребята.

— Тире... точка... точка... точка... точка... точка...

— Что за ерунда, откуда столько точек?

— Д, д, наверное,—подсказывают ребята.

Снова фонарик мигал, а мы разгадывали. В конце концов получилось что-то в роде „идем“. И только после, на привале, мы узнали, что все это было подсказано нашим воображением. Ребята и не

Легли и ноги подняли кверху

Вытянувшись в цепочку идем на Звенигород

Все здорово вымокли

За спинами мешки, топорики, лопатки

думали сигнализировать, а просто освещали себе дорогу.

Тревожные сигналы SOS на балалайках то-и-дело раздавались в ночной тишине. Мы утопали в воде. Кругом простирались болота. Выручил Гусак. Он смело ринулся вперед и скоро вывел нас на твердую землю.

Остальная часть дороги была не так тяжела. Плечи сташно болели, и только дух был бодрым. Все части нашего механизма скрипели и требовали смазки. Смазка вскоре пришла, вернее, мы пришли к смазке.

В деревне нас встретила теплая изба, гора баранок на столе и уйма молока. Когда все это улеглось получше в желудке, то глаза сами стали закрываться. Теплый сеновал приютил нас, вы сами знаете, как приятно.

Все это расстояние мы сняли на плане и обмерили шагами.

* * *

Утро. Часть ребят проснулась и оживленно разговаривает о вчерашних приключениях. Солнце греет жарко, и на сеновале становится душно.

Кое-как находим свои вещи и спрыгиваем вниз. Делаем зарядку и умываемся.

Вытянувшись в цепочку, идем на Звенигород. Сегодня с'емку делает Люба, и она отстала, а с ней „Счетовод" Фрида, измеряющая расстояние шагами.

Интересно посмотреть на нас со стороны. За спинами мешки, топорики, лопатки, флажки для сигнализации—все это развешано на каждом из нас, как в витрине кооператива. А на Володю с Семой нельзя смотреть без смеха—это вьючные ослы. Кроме мешков у них болтаются сзади ведра, чайники, на голове они несут хлеб, завернутый в полотнище.

Разведка снова впереди. Когда вдали заблестели маковки Звенигородского монастыря, мы заметили ее сигналы.

— Нам передают, что все готово, — сказал Володя, принимавший сигналы.

Это подбодрило нас, и мы прибавили шагу. Каково же было наше разочарование, когда все вышло наоборот: продуктов не было, палатки разбить негде, костры жечь нельзя. Володя рычал на разведчиков, как дикий зверь. В конце концов, при помощи милиционера и заведующего домом отдыха все устроилось. Мы разбили лагерь, разожгли костры, сварили вкусный обед, а вечером даже ужинали в доме отдыха.

* * *

На другой день рано утром снялись с бивуака и оставили за собой дом отдыха. 4 версты до Звенигорода прошли быстро. В чайной Дома крестьянина сделали привал.

За те два часа, которые мы провели здесь в чайной, пришли одна за другой еще три группы походников. Они, так же как и мы, снялись с лагеря и шли посмотреть другие отряды, музеи, окружающую местность.

Чайная была похожа на финиш какого-то грандиозного звездного пробега. Мы знакомились с отрядами, делились впечатлениями, записывали адреса.

* * *

Идем на Ивановское, где мы два года назад жили лагерем.

Незаметно дошли до Ивановского. Осмотрели знакомые места избу, площадку, лес, речку. Многое напомнило нам старое пепелище. Все мы были еще маленькими, когда жили здесь.

А на утро ездили в Воскресенск на лодках, осматривали музеи и местные лагеря. Поздно вечером уехали в Москву на поезде.

Жаль было расставаться после стольких дней, проведенных вместе. Поход многое дал нам, крепко сплотил нас.

На память о нем остался наш коллективный дневник, выдержки из которого мы здесь помещаем, фотографии Леши и маршрутная глазомерная с'емка пути, занявшая в длину $3^1/_2$ метра.

СНИП серия третья

ПРАВИЛА ИГРЫ

Из четырех предметов нужно выделить один, у которого нет общего признака с остальными тремя.

Пример:

Даны 4 предмета, предположим: ель, сосна, береза и кошка. У трех вещей есть общее: деревья, кошка здесь ни при чем, кошка лишняя. Это очень легкий пример. Вот потруднее:

Печка, дом, палатка, водопровод. Что между ними общего. Почти ничего. На первый взгляд очень трудно выделить из этих четырех предметов три, у которых было бы что-то общее.

Разгадка простая: у печки, дома и водопровода есть трубы, у палатки трубы нет.

Каждая задача из четырех предметов может иметь и не одно решение, а два, три, четыре. Чем больше решений вы найдете, тем лучше.

Ручка, чернильница, карандаш, крокет. Здесь на первый взгляд два решения, первое: лишний крокет, остальные письменные принадлежности, второе: лишняя чернильница, остальное сделано из дерева. Может быть здесь есть еще решения? Подумайте!

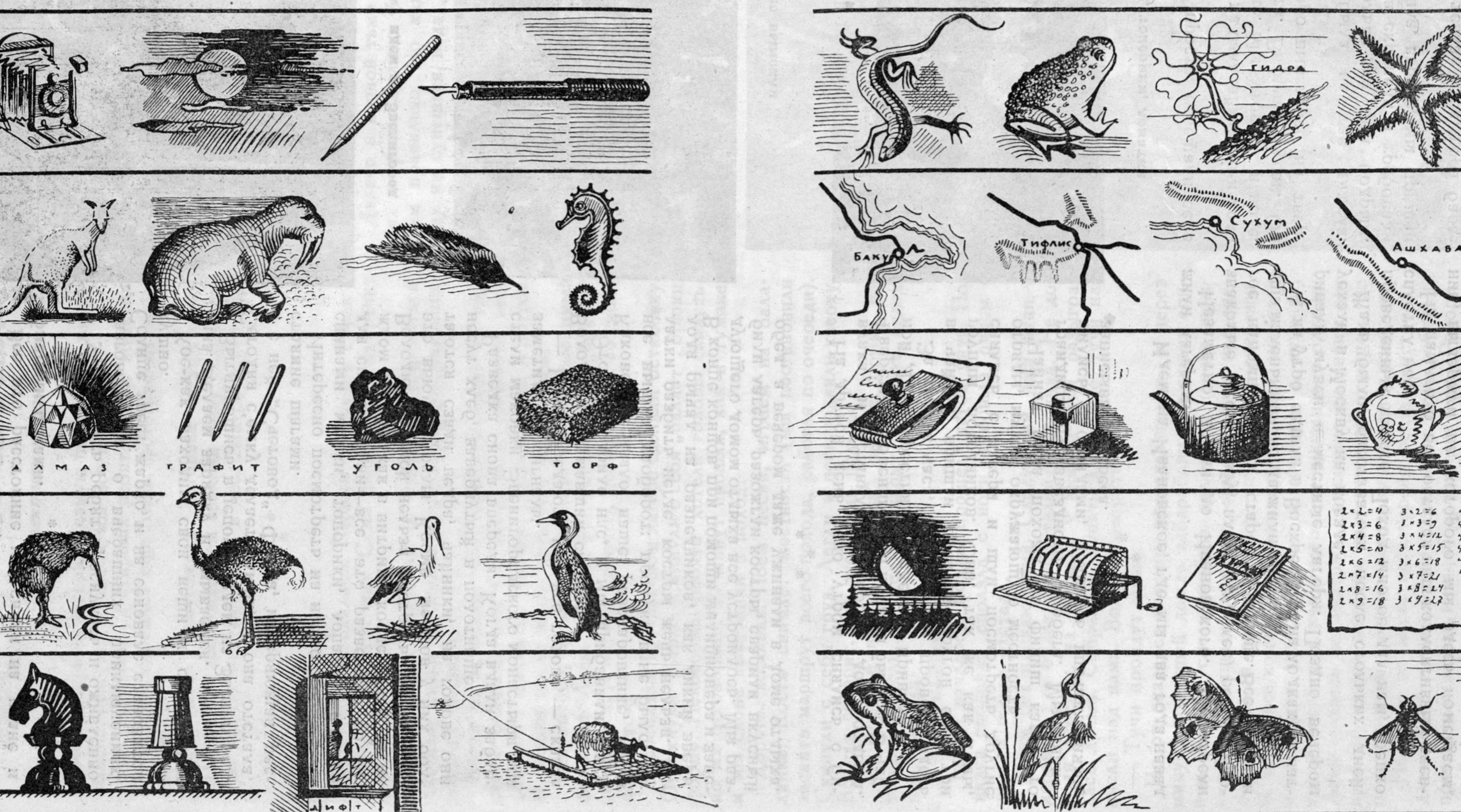
Объявлен постоянный конкурс.

Премию получит тот, кто на эту серию даст большее количество ответов.

Премией конкурса будет вот что: следующая серия нашей игры будет названа именем отряда или школы, в которой находится читатель, приславший в течение трех недель со дня выхода журнала наибольшее количество решений.

В редакцию поступают тысячи ответов на первую серию СНИП'а—„Четвертый лишний“.

Решения и премия будут объявлены в № 17 „Пионер“.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ЧУДОДЕЙСТВЕННАЯ НИТКА

Возьмите яблоко и в самой середине с помощью штопальной иголки проденьте через него тонкую парусиновую нитку.

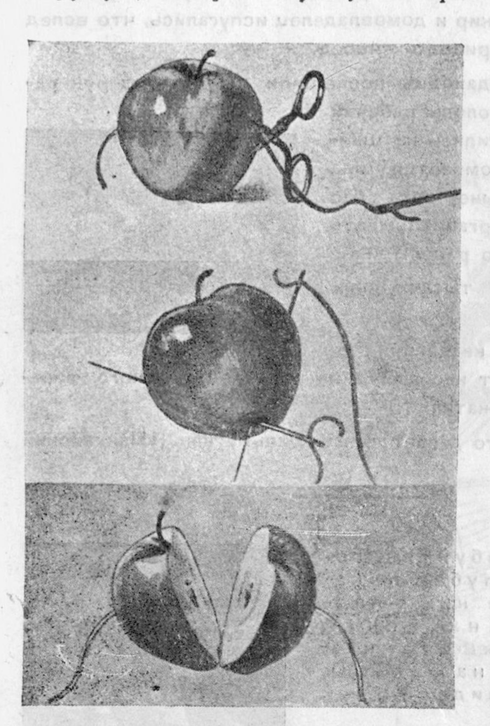
За два оставшихся наружи конца вы сможете свободно продергивать нитку то в ту, то в другую сторону.

Теперь возьмите нож и разрежьте яблоко пополам, но не до самого конца; вместе с яблоком, естественно, разрежется на две половинки и нитка, концы которой будут торчать из разреза (см. нижний рис.). Не вытаскивая нитку, вы можете превратиться в чародея и магическими средствами скрепить ее, и она опять будет, как и раньше, легко двигаться в стороны. Вы захлопываете обе половинки яблока, дуете на него несколько раз и дергаете нитку. Нитка опять цела, так как она тянется с другого конца. Все удивлены и восхищаются вашими способностями. Вы довольны, а между тем мудреного здесь ничего нет, стать таким чародеем может всякий, кто заранее приготовит „волшебное“ яблочко.

Сейчас раскроем вам весь секрет волшебства.

Возьмите самое обыкновенное яблоко и проткните через середину его нитку, оставшиеся концы отрежьте около самого яблока, чтобы они совершенно не выступали наружу (см. верхний рис.). Теперь возьмите такую же точно нитку, но несколько подлиннее, сантиметров в 40, и проденьте ее с помощью иглы таким образом: воткнув иглу около места выхода первой нитки, протыкайте иголку косо вниз так, чтобы она вышла наружу в месте завязи, отсюда иглу протыкайте в обратном направлении, т.-е. косо вверх к месту входа первой нитки (см. средний рис.). Теперь, если вы разрежете яблоко, под нож попадет только первая нитка, вторая же нитка, благодаря тому, что конец яблока не дорезывается до конца, остается целой и вы дергаете за нее, а не за первую действительно разрезанную нитку (см. нижний рис.). Впечатление же у окружающих получается, что разрезанные кончики нитки—продолжение второй нитки.

Вот вам и все чародейство.

Чудодейственная нитка

ЯБЛОЧНАЯ ГОЛОВОЛОМКА.

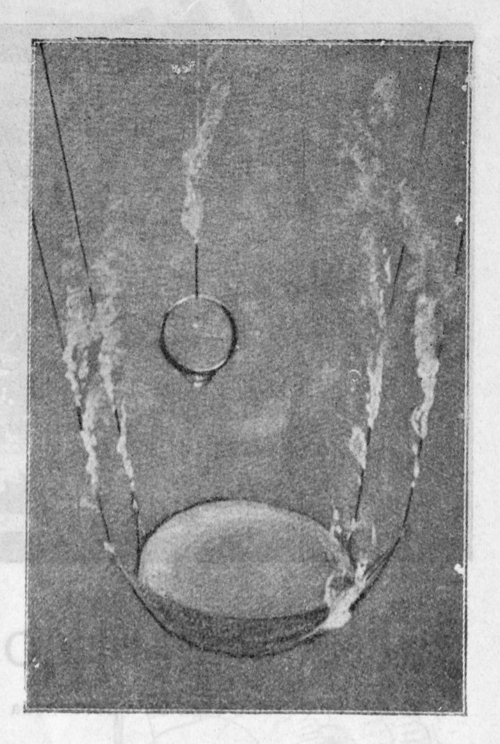

Яблочная головоломка

А вот вам еще головоломка с яблоком. Разрезать яблоко пополам совсем не трудно. А вот попробуйте-ка предложить своему товарищу разрезать яблоко на три друг к другу перпендикулярные плоскости. Если он не знает этой головоломки, то напрасно будет стараться, он никогда этого не сделает, пока вы ему это не покажете.

Вот каким образом надо сделать разрезы.

Прежде всего делается первый разрез от веточки О вертикально вниз вперед (*a*), затем назад (*в*) до середины. Потом делается второй разрез снизу от завязи вертикально вверх направо (*c*), затем налево (*в*), опять-таки только до середины. Оба эти разреза имеют общую точку v в середине яблока. К этим двум полукружным разрезам мы добавим еще две, лежащих в той же плоскости четверти круга, а именно от *ac* к *v* и от *вв* к *v*, обе горизонтальные. Тогда яблоко распадется, как видно на рис. 2, на две замечательных половинки, которые удовлетворяют условию и из которых складывается опять целое яблоко.

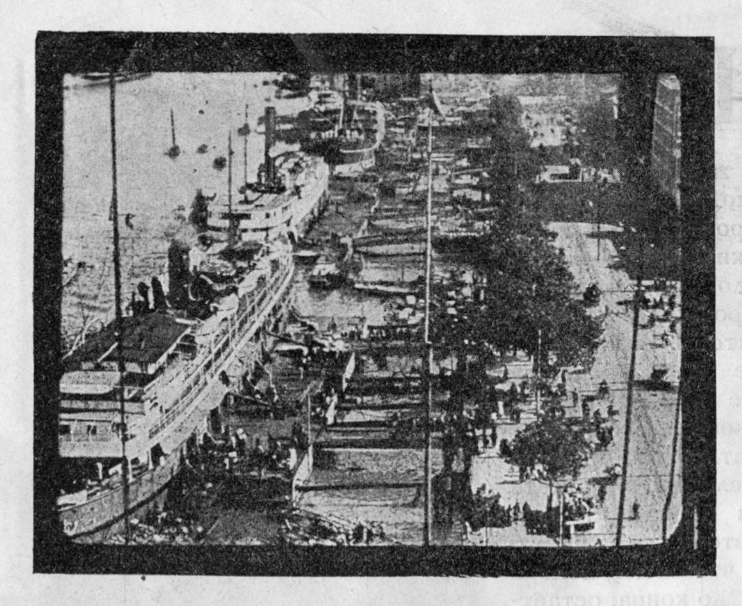
Несгораемая нитка

НЕСГОРАЕМАЯ НИТКА.

Вот вам интересный опыт. Делайте его лучше на воздухе, а то еще сожжете дом.

Приготовьте концентрированный состав обыкновенной столовой соли, т.-е. разведите в стакане воды ее до тех пор, пока вновь положенная порция уже не будет растворяться. В этот состав положите на день нитку, затем выньте ее, просушите и проделайте снова ту же процедуру еще 2—3 раза. Ваша нитка хорошо пропиталась солью. Теперь можно работать. Возьмите легкое колечко и подвесьте его на этой нитке. Затем нитку зажгите, нитка будет гореть ярким пламенем, догорит до конца, но кольцо не упадет, так как пропитанная солью нитка спаяла отдельные кристаллики соли в крепкую тонкую проволочку, которой достаточно для того, чтобы выдержать тяжесть кольца. Теперь возьмите сырое яйцо, высосите из него содержимое, проткнув на концах дырочки, затем возьмите кусочек кисеи, продержите ее в растворе, как и нитки, а затем сделайте из нее на „просоленных“ нитках гамак. В него положите вашу яичную скорлупу и зажгите нитки, гамак весь сгорит, скорлупа не упадет, а будет лежать как бы в раскаленной сетке.

Редакция хочет узнать у читателей, нужен ли в „Пионере“ „Отдел фокусов“? Нужны ли вам „Чудеса в решете“? Пишите.

ШАНХАЙСКИЙ ДОКУМЕНТ

Очерк С. Третьякова

Люди по-разному ходят в кино. Одни—для того, чтобы уйти от жизни, другие—чтобы к ней приблизиться.

Люди, которым их собственный рабочий день кажется скучноватым, надоедным, не слишком осмысленным, забираются в кино, чтобы поотважничать с Гарри Пилем, или еще каким-нибудь трюкистом, проскакать по прериям с бесстрашными ковбоями, понежничать с красавицами, словом, в воображении посовершать те подвиги, без которых жизнь кажется пресной.

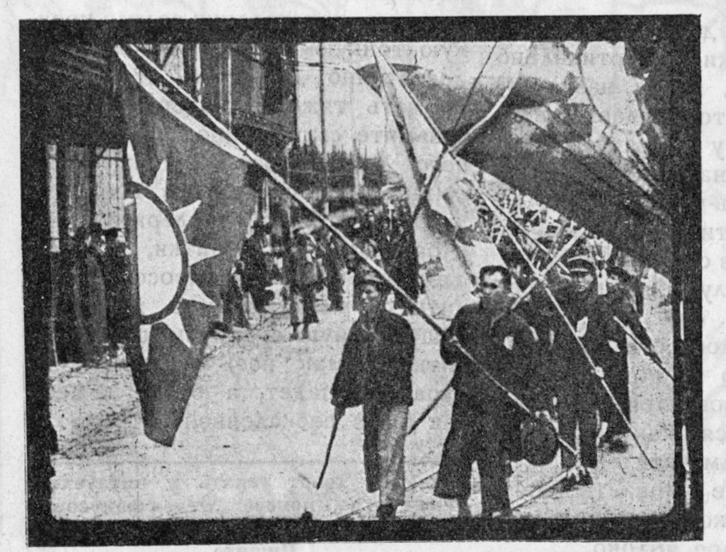
Но другие ходят в кино, чтобы поближе „крупным планом“ рассмотреть подлинную жизнь, как она есть, найти удивительные вещи там, где обывательскому глазу все кажется обычным и „ничего особенного“.

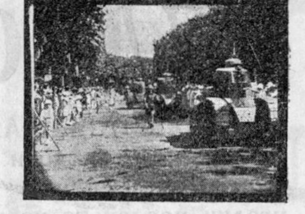
Это два разных сорта людей. Вторые как раз и есть нужные нам активисты. Но их еще мало. Привычка любит рассматривать и строить саму жизнь, вырабатывается медленно и с трудом.

„Шанхайский документ“—одна из немногих еще пока у нас фильм, сталкивающих зрителя лицом к лицу с сегодняшней нашей замечательной жизнью.

Сегодняшний город Шанхай—вот тема этой фильмы.

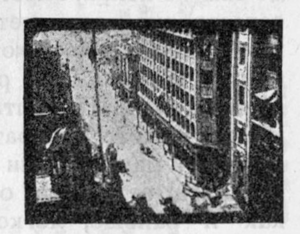
После Лондона и Нью-Иорка, Шанхай самый большой порт в мире. Он в устье реки Янцзы, по которой с'езжаются к нему товары, производимые половиной Китая. Ежегодно через Шанхай проходит товаров на 200 миллионов фунтов стерлингов.

Собственно говоря, есть три Шанхая. Один—крыт асфальтом, его дома по 8, по 10 этажей, он ездит в новеньких автомобилях. В его кармане чековые книжки. Этого Шанхая—несколько тысяч. Это—иностранцы, держащие в своих руках торговлю, живущие по своим законам, охраняемые крейсерами, броневиками и солдатами.

Другой Шанхай—победней первого. Он ездит в рикшах, получает высшее образование в университетах, имеет магазины, конторы и мастерские. В свободные часы просиживает в ресторанах и за игрой и мечтает встать на место первого Шанхая.

Этот Шанхай—несколько десятков тысяч человек—китайская буржуазия.

И, наконец, третий Шанхай—ни единицы, ни десятки, а сотни тысяч людей. Они впряжены в телеги и в барки. Они крутят весла лодченок, чинят обувь, плетут мебель, подметают полы и улицы, обваривают себе руки на шелкопрядильных фабриках, нянчают детей под машинами и едят столько, чтобы не умереть. Это—рабочий Шанхай, Шанхай фабрик и мастерских.

Революционный поход кантонцев поднял третий Шанхай на первый. Рабочие в стачках отхлынули от станков и инструментов и взялись за винтовки. Иностранный сеттльмент обвился колючей проволокой. Эскадры броненосцев стянулись к городу. Казалось, еще один нажим и трудовой Китай заговорит с иностранцами по-новому.

Но в это время предал второй Шанхай—буржуазная часть гоминдана. Китайский лавочник и фабрикант, инженер и учитель, банкир и домовладелец испугались, что вслед за иностранцами придет их черед.

Генералы-гоминдановцы поспешили вырвать из рук рабочего винтовку. Головы рабочих дружинников покатились на шанхайский асфальт. Компартия ушла в подполье, отныне одна без гоминдана, будет организовывать великую китайскую революцию.

До Шанхая 12 тысяч километров.

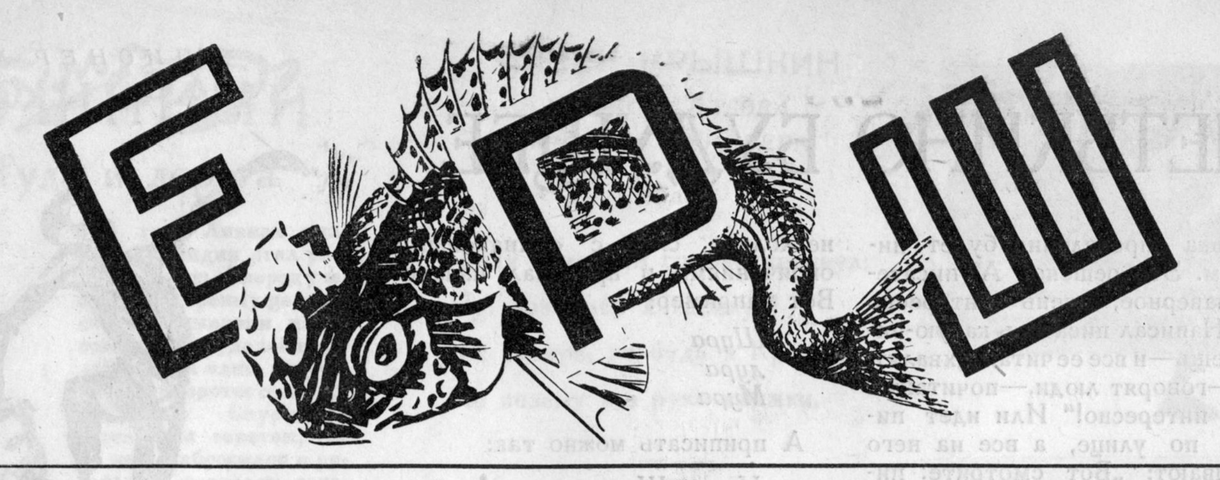
А надо, чтобы китайский революционер был от нас всегда на расстоянии одного товарищеского рукопожатия.

Лучше всего это делает такая фильма как „Шанхайский документ“.

Ребята! Требуйте, чтобы в ваших клубах показывали такие кино-картины, как Шанхайский документ. Пишите нам ваши отзывы на фильмы, которые вы видели.

Редакция.

№ 10 АВГУСТ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ 1928 г.

Прогулял зря до самого сентября

Стихи Гр. ГРАДОВА
Рис. П. СТАРОНОСОВА

1

Завтра—отпуск на
три месяца!
Солнце в небе
словно бесится,
Расцветают в поле
цветики...
Разве тут до
арифметики?

2

На посту стоять
у знамени,—
Можно ль думать
об экзамене?
Часовому, ясно,
братики,
Уж совсем не до
грамматики.

1

2

3

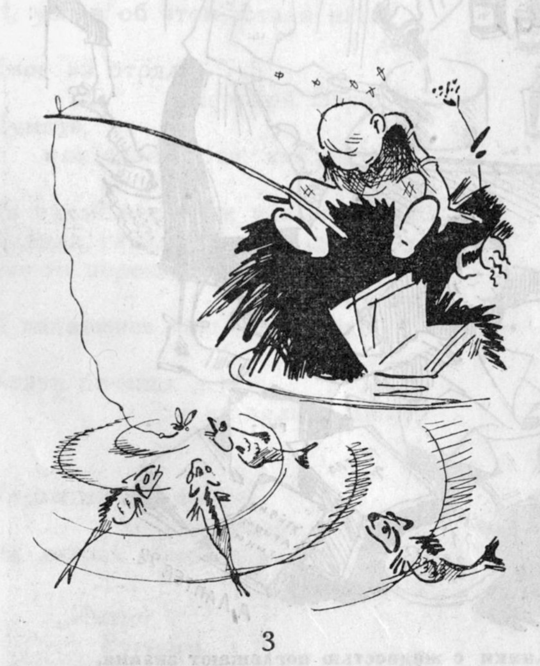
Коль карась в пруду
не ловится,
Можно б было
подготовиться,
Но... вздремнул и —
наказание! —
Уплыло
„природознание“.

4

А за час один,
подите-ка,
Коль хотите,
повторите-ка —
Географию,
грамматику
И почти всю
математику?..

—

Прямо в пору хоть
повеситься,—
А ведь было-то —
три месяца!!!

3

4

ПЕТЬКИНО БУДУЩЕЕ

Петька определенно будет писателем. Это решено. А писателем, наверное, очень интересно быть. Написал писатель какую-нибудь вещь—и все ее читают, хвалят. „Вот,—говорят люди,—почитайте. Очень интересно!“ Или идет писатель по улице, а все на него показывают: „Вот смотрите: писатель идет. Это, который книги пишет!“ Очень приятно! А писать вовсе и нетрудно. Сел и написал. Романы — сущая ерунда. Только бумаги и чернил много пойдет. Да ничего, потом, как напечатают, окупится. А вот стихи немного труднее. Тут и рифма и ямбы[1] всякие нужны. А впрочем, и стихи ерунда писать. Взял несколько слов с одинаковыми окончаниями и приписал начало. Вот например:

Шура
дура
Мура

А приписать можно так:

Наша Шура
Действительно дура,
Тоже и Мура.

Хоть ямбов и нету, а все-таки ничего выходит.

Еще сегодня ходил Петька в кооператив за рыбой. А приказчик рыбу в биографию Гоголя завернул. Ну, Петька по дороге и прочитал биографию. Оказывается, Гоголь плохо учился в школе. О! Петька и сейчас неважно учится, а завтра он выкинет все книги, порвет тетради. Он заткнет за пояс всех Гоголей!

Словом, Петька будет писателем!

Деткор *П. Жизнев*

[1] Ямб—стихотворение, в котором ударение приходится на 2-м слоге (Брожу/ли я/средь у/лиц шумных).

ПОБОЛЬШЕ УЧЕБНИКОВ

В этом году к приготовлению горячих завтраков будут привлечены матери учащихся.

В нынешнем учебном году большой спрос на учебники. Школьники с жадностью поглощают знания, приготовленные матерями в удобоваримом и питательном виде.

Ершистый Бумеранг

Туда и дорога

В гор. Ливнах учитель Скуридин стал распространяться перед учениками о преимуществах старой гимназии перед советской трудовой школой. Когда один из учеников запротестовал и пригрозил Скуридину школьным советом, тот на него набросился с руганью и довольно основательно избил его.

Ну, как такого молодца прослављ-
вить?
Что делать с просветителем
таким?
Неплохо было бы Скуридина
отправить
Преподавателем к пингвинам
и китам.
Там не видать советских
безобразий,
Там станет он, себя почувствовав
свежей,
Директором пяти классических
гимназий
Для молодых тюленей и моржей.

П. П.

Долг платежом красен

Под Берлином немецкие пионеры основали летний лагерь им. т. Ворошилова.

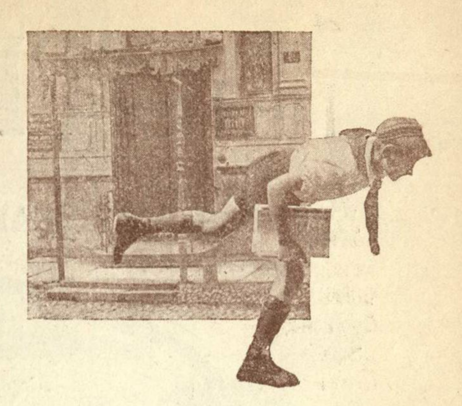
Льются наши песни, вьются
наши флаги—
Где-то под Берлином—
немцам просто срам.
Дети-пионеры основали лагерь
Имени наркома по военделам!
И, узнав об этом, стали наши
дети
Двое из отряда
„Молодой Заряд“—
Думать,
как сквитаться как бы им
ответить
На такой поступок удалых ребят.
Думали, гадали, а когда стемнело,
Что-то порешили, кончив
разговор,
И напившись чаю, принялись
за дело:
Хвать боченок дегтю
и на задний двор!!!

Утром можно было—
только солнце встало—
На дверях помойки видеть
вензеля
„Имени
Второго
Интернационала.
Помойка сия“.

ФЕДЯ КРЫШКИН

Стихи Гр. ГРАДОВА

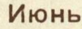
Монтаж Г. МИЛЛЕРА

Май

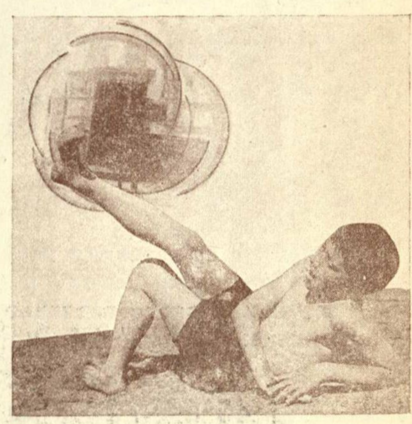
Федя Крышкин громко крикнул:
Ну, дождался я каникул!
Уж теперь, не будь я Крышкин,
Не возьму я в руки книжки.

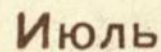

Июнь

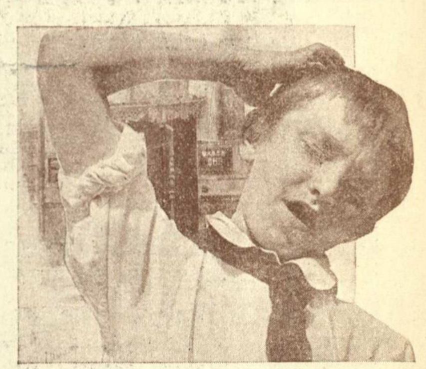
Есть ли время на футболе
Вспомнить всерьез о школе.
Далека и не нужна
Феде Крышкину она.

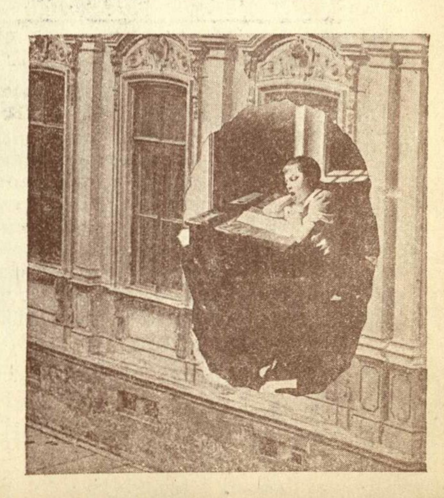
Июль

Хорошо лежать на пляже.
Но и здесь, на пляже, даже
Где волна чуть плещется,
Школа всем мерещится.

Август

Федя Крышкин, август, слышь-ка,
И безделью скоро крышка.
Не мешало б, так сказать,
Позаняться, подчитать.

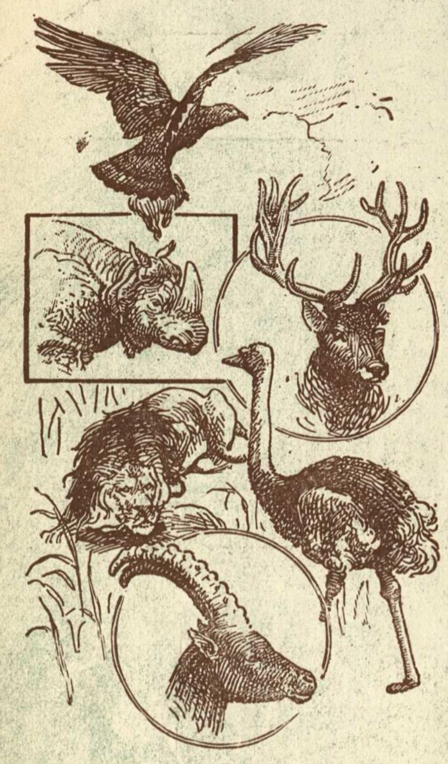
Сентябрь

Федя выглядит сердито:
Что и знал, так все забыто.
Эх, зачем до сентября
Пробездельничал я зря!

Цена 20 коп.

ОТГАДАЙ

№ 45 ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Возьмите от названия всех этих животных только по одной букве и из них составьте название хищной птицы.

№ 46 SALTO-SOLO

В Турции есть игра под названием salto-solo, похожая на наше домино; она состоит из шашек, на которых нарисованы звезды, полумесяцы и солнце. Количество значков показывает очко шашек.

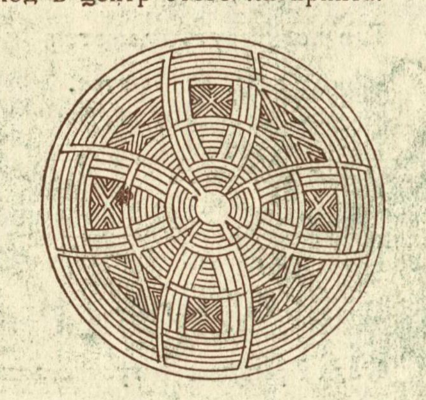
На чертеже размещены пять шашек со звездами, 5—с полумесяцами, 5—с солнцем.

Попробуйте передвинуть их таким образом, чтобы первый горизонтальный ряд занимали шашки с солнцем, 2—с полумесяцами и 3—со звездами, при чем в каждом ряду шашки должны стоять по порядку от 1—5. Перепрыгивать через шашки не допускается, а можно их только передвигать на соседнюю черную клетку. Первая шашка должна быть передвинута на последнее 17 черное поле. Количество ходов должно быть не больше 64. Как это сделать?

№ 147 ЛАБИРИНТ

Ребята! не сумеете ли вы найти ход в центр этого лабиринта.

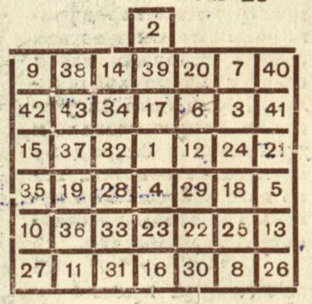

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 9

№ 24

Бес—Вес—Лес—Пес.

№ 25

			2			
9	38	14	39	20	7	40
42	43	34	17	6	3	41
15	37	32	1	12	24	21
35	19	28	4	29	18	5
10	36	33	23	22	25	13
27	11	31	16	30	8	26

Пионер верен делу рабочего класса и заветам Ильича

№ 26

Пионер попал 8-ю пулями в первое деление, одной—во второе и одной—в третье.

№ 27

Кроме говорившего индейца было 3 его брата и 3 сестры. Все племя состояло из 7 человек.

№ 28

Ни одного воробья, так как они улетели, спасаясь от охотника.

№ 29

Непроданным остался боченок, содержащий 20 бутылок. Один купил боченки в $31 + 19 + 16 = 66$ бутылок, другой купил боченки в $15 + 18 = 33$ бут.

Примечание. По недосмотру в № 9 пропущена подпись автора Тазенкова Г., предложившего эту задачу.

№ 30

Вода скорее закипит в первом самоваре, чем во втором, потому что воздух, проходя через горящие угли, скорее обожжет погасшие, чем наоборот. Проверьте это на опыте.

ВСЕМ ПОДПИСЧИКАМ

Вас всех интересует вопрос, почему бывают задержки и недосылки журнала?

Все жалобы подписчиков на неаккуратное получение изданий нами немедленно разбираются и удовлетворяются. Однако, значительная часть жалоб имеет место по вине почтового аппарата, а частично по вине самих подписчиков.

В виду этого обращаем внимание наших подписчиков на следующее:

По существующей карточной системе все количество экземпляров изданий сдается полностью Московскому Почтамту, который рассылает издания по почтовым отделениям для раздачи подписчикам по предварительно разосланным карточкам. Таким образом невысылка отдельных номеров подписчику со стороны Издательства по карточной системе совершенно исключается.

Если же издания все же получаются с пропусками отдельных номеров (или приложений), то следует обратиться в местное почтовое отделение, где хранятся все карточки подписчиков и требовать недоставленный экземпляр и только в случаях отсутствия карточки на почте обращаться в Главную Контору Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ".

ДЛЯ ПОЛНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РЕГУЛЯРНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ЖУРНАЛА, СДАВАЙТЕ ПОДПИСКУ СВОЕВРЕМЕННО, НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ НА 3 МЕСЯЦА И ПИШИТЕ ВАШ АДРЕС ЧЕТКО И ЯСНО.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ".

Москва, Главлит А 19.680. Изд. № 2.874 „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 30.000